

Л.БЕРЕЖНЫХ
В.ЛАПИНА

ТАШКЕНТСКИЕ МАЛЬЧИШКИ

Л. БЕРЕЖНЫХ В. ЛАПИНА

ТАШКЕНТСКИЕ МАЛЬЧИШКИ

*Возле, двором,
пашмы вьезда нащит
маначимов, к. авторис
не вернудим с фр. н. то в. в. в.
Др. Кошанов*

*2 мая 79
С. Ташкент*

Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана
«ЕШ ГВАРДИЯ» ● ТАШКЕНТ — 1978

Бережных Л., Лапина В.

Ташкентские мальчишки.— Т.: «Еш гвардия», 1978
С.— 64 с.

I Соавт.

P2

70803—217
Б 356(06)—78 127—78

© Издательство «Еш гвардия», 1978

Комсомолу Узбекистана
посвящается

К ЧИТАТЕЛЮ

«На протяжении XX века наша страна дважды стояла у истоков крупнейших перемен в облике мира,— говорил Л. И. Брежнев в книге «Ленинским курсом»,— так было в 1917 году, когда победа Октября возвестила о вступлении человечества в новую историческую эпоху. Так было в 1945 году, когда разгром фашизма, решающую роль в котором сыграл Советский Союз, поднял могучую волну социально-политических изменений, прокатившуюся по всей планете, привел к укреплению сил мира во всем мире.»

Историю Великой Отечественной войны пишут не только историки. Ее пишут политические, государственные и военные деятели, тысячи активных участников борьбы с фашизмом, писатели, поэты, драматурги, журналисты. Сформировались новые жанры, новые направления в творчестве: это документально-художественные произведения о войне. И документ, фотографии, строка из фронтового письма зачастую потрясают сильнее, чем художественный вымысел.

Два ташкентских журналиста Лия Тимофеевна Бережных и Вера Витальевна Лапина поставили перед собой благородную цель — воскресить в памяти народной бессмертные подвиги ташкентских юношей, любовно ими названных «мальчишками», в годы Великой Отечественной войны. Три года шел сбор материала о них, и по мере его нахождения на страницах газеты «Вечерний Ташкент» появлялись очерки о наших земляках, погибших за счастье живущих. Судьба Ислама Усманова, Григория Ратнера, Бориса Жучкова, Андрея Каракозова, Туйчи Арипова, Саттара Салымова и многих, многих других не могла не взволновать читателей. Авторы получили массу писем.

В городском Дворце пионеров имени Островского был открыт по материалам очерков Музей боевой комсомольской славы «Ташкентские мальчишки». На лучших предприятиях города в бригады коммунистического труда навечно зачислены пять ташкентских мальчишек, а начисляемая им зарплата переводится в фонд Мира. На этих предприятиях открыты мемориальные обелиски. С них смотрят на молодежь вечно юные лица Бориса Жучкова, Ислама Усманова, Вольдемара Шаладина, Кирилла Сумарокова, Павла Гостева...

Такой огромный интерес к теме навел Л. Бережных и В. Лапину на мысль о создании этой книги. Авторы ее буквально по крупице собирали материалы о жизни и гибели «мальчишек» и возвращали все собранное опять к жизни... И то, что книгу о мальчишках пятнадцати национальностей помогали писать красные следопыты, читатели «Вечернего Ташкента», родные и близкие, одноклассники, однокурсники их — симптоматично. Все это говорит о том, насколько актуальна затронутая

авторами тема. Можно с уверенностью сказать, что эта книга послужит толчком к тому, что у нас в республике появятся материалы про чирчикских, янгиюльских, самаркандских и других мальчишек.

Я перебираю фотографии ребят... Какие это удивительные лица! Умные. Красивые. Одухотворенные... И где-то из глубин моей памяти они встают так, как будто я видела их вчера. Я была малышкой в годы Отечественной войны. Еще ходила в детсад. Жили мы на Луначарском шоссе. И вот по ночам, когда весь город спал, мимо нашего дома и вокзалу шли юные солдаты. Я просыпалась от мерного топота сапог. И вместе со своей мамой выходила к дороге, по которой они шли в тусклом свете фонарей. Мои детские ручонки держали яблоки, кусочки лепешек, орехи... И мы, дети, тесной шеренгой стоявшие на тротуаре, протягивали свои угощения нашим защитникам. А рядом стояли наши матери, выискивая взглядом в этих шеренгах наших старших братьев и отцов, и негромко плакали. Высоким счастьем было, когда кто-то из солдат брал тебя на руки и несколько шагов нес. Казалось, что тебя тоже сейчас возьмут на фронт, бить проклятых фашистов...

Поколение, о котором рассказано в книге, «рождалось в Гражданскую, побеждало в Отечественную войну» и было, конечно, поколением удивительным. Вот что об этом пишут сами авторы: «Мы приходили в незнакомые дома, звонили в квартиры: «Не расскажете ли вы...» И нам рассказывали, давали почитать письма, документы, стихи, написанные ломким юношеским почерком... В гигантском костре войны сгорели не только сами юноши, но и большинство документов развеялось за эти годы прахом. Но как палеонтолог по одной косточке восстанавливает скелет, так и мы, по тому, немногому, что осталось, можем домыслить портрет целого поколения.

Большое спасибо всем ташкентцам, которые помогли нам в работе над книгой: мамам и отцам, братьям и сестрам, одноклассникам наших «мальчишек», для которых они остались «навсегда двадцатилетними».

О них еще расскажут в спектаклях, киносценариях, повестях и романах. Еще мы пройдем по улицам, названным их именами, и возложим цветы к памятникам, на гранях которых золотом заблещут их незабвенные имена.»

А сейчас мне хочется сказать «спасибо» авторам книги и фотографам Михаилу Штейну и Юрию Бутусову. Они выполнили свой долг.

М. Т. ТУЛЯГАНОВА,
кандидат исторических наук.

«ГЛАВНОЕ — УМЕРЕТЬ НЕ ЗРЯ...»

С довоенных лет Оксана Вишнякова хранит фотографию: она с лопатой на плече стоит на краю котлована, залитого водой. Рядом ее одноклассники.

— Это мы копали Комсомольское озеро, — говорит Оксана Александровна, — вот этот мальчишка в тельняшке — Франц Казанджан, в темной рубашке — Гриша Лосьев. Фотографировал нас Федя Утин. Помню, очень смешил, видите, какие мы веселые! — И вдруг, погрузившись, она сказала: — Все они погибли.

Мы сидим на берегу Комсомольского озера. Оксана бросила в воду камешек. Он «блинчиком» пошел по воде. Поблизости загорают мокрые пацаны. Они считают:

— Раз, два, три... ух ты! Семь «блинчиков»!

— Кто вас научил такому «искусству»? — спрашиваю я у Оксаны.

— Юра Боголюбов. Он погиб в первые часы войны...

Оксана Александровна передает мне 22 аккуратно пронумерованных Юриных письма.

Юра до армии учился в ташкентской школе № 2 имени И. А. Крылова, а Оксана была «кимовкой» — ученицей школы № 7 имени КИМ — «Коммунистического интернационала молодежи». Они знали друг друга по комсомольской работе, у них были общие друзья, через которых Юра передавал ей приветы из Краснодарского летного училища, а потом из Киева, куда получил назначение.

Когда Юра уехал, на Оксану обрушилась целая «лавина» пылких юношеских посланий...

«Здравствуй, любимая Ксаночка! Ярko вспоминаются минуты, проведенные с тобой... Если я летом поступлю в Академию, а ты будешь свободна и согласна, то я предложу раз-

Юрий
Боголюбов

делить тебе судьбу. Будем жить в Москве, учиться...» /22. 3. 1941 г./

«...Получил сейчас твое письмо. Пришел с полетов уставший. Моя профессия определена. Буду работать для того, чтобы в нужную минуту без сожаления и страха отдать жизнь за вас, за весь наш рабочий народ. Судьба! Юрий.» /6. 4. 1941 г./

«Здравствуй, Ксана! Мы переехали. Бородеянка — это небольшой городок с рекой Ирпень, сосновый бор, рядом — наш палаточный лагерь и аэродром. Попал в палатку в числе семи сверхсрочников — лейтенантов. Здесь еще плохо

организована жизнь... Интересно ложимся спать: люди обычно перед сном раздеваются, а мы наоборот: холодно. Утром я под общий смех подал команду. «Раздевайся! Выходи на зарядку!» Подъем у нас в четыре утра, отбой — в десять вечера. Сейчас идет дождь. Соседи поют, смеются, играют на баяне. Эх ты, жизнь военная! Но все-таки, жизнь, я тебя люблю! Поздравляю тебя, Ксаночка, с девятнадцатилетием, Юрий». /17. 4. 1941 г./

«...Дорогой мой, единственный и неповторимый друг! Я бываю счастлив каждое воскресенье — в этот день от тебя обязательно приходит письмо. Я стал флагомбардиром звена. Имею двух ведомых, которые во всем полагаются на меня. Мне уже 21 год исполнился. Совсем взрослый...» /27. 4. 1941 г./

«Здравствуй, Ксаночка! Живу в Киеве, сдаю предварительные экзамены в Академию. Сначала писали диктант, потом сочинение, потом устно сдавали литературу, всю математику, химию, физику и все уставы. Я все сдал. С 15 июля по 8 августа должен быть в Москве. Учебники я брал в библиотеке. Со мной сдавали все майоры, капитаны, старшие лейтенанты и даже один Герой Советского Союза — капитан Красногорченко. Если вызовут, то буду сдавать

экзамены в Академию имени Жуковского. Сильно заворачиваю?..

Сегодня одену гражданский костюм /Громова/ и пойду на радость в театр. Юрий». /18. 5. 1941 г./

«...У меня, Ксаночка, был друг, с которым вместе учились в Краснодаре, — Гуляев. 29 мы с ним вместе пили пиво, играли в волейбол, а 30 вечером он разбился. Пошли они в зону с летчиком Коноваловым. Делали виражи, скольжения, перевороты, и с боевого разворота сорвались в штопор. Высота была около тысячи метров. Вывести машину не успели и, сделав три витка, с громадной скоростью врезались в землю... Жизнь огромна. Чем больше узнаешь ее, тем крепче в тебе потребность вмешиваться, изменять ее, бороться!

Цветет сирень. Вспомнилось: когда я учился в 10-м классе, ехал я раз на велосипеде, а ты меня заметила и остановила. Я смутился и поспешил удрать... Твой Юрий.» /1. 6. 1941 г./

«...Сегодня подняли меня в 4 часа. Летел на «ястребке» над Житомирским шоссе, через Днепр, мимо Киева прошел на бреющем. Реки очень разлились, затопили леса. Сделал два пустых захода, на третий скользнул на крыло до самой земли /мешали телефонные провода/ и удачно сел. Зарулил чуть не в ангар и пошел на вышку — ждать, когда прилетят наши...» /3. 6. 1941 г./

«...Получил из Москвы письмо: скоро вызовут в Академию. Знаешь — я много думал о смерти. Главное — умереть не зря... Ты никогда не поймешь, Ксана, меня и тех, кто играет со смертью. Разве Гуляев с Коноваловым думали о себе в последнем полете, разве они не могли бросить машину в воздухе? Не захотели. Они пытались ее спасти». /11. 6. 1941 г./

И, наконец, письмо от Юрия, датированное 15 июня 1941 года. Голубой конверт с портретом летчика на марке. На нем два штемпеля: «Бородеянка» и «Ташкент».

Оксана получила это письмо 22 июня. И в тот день, когда она раскрывала конверт, ее любимый принял свой первый и последний бой. Что же написано на этом листке.

«...Как быстро летит время! Уже 4 месяца, как я не вижу тебя. Сегодня выходной день. Жарко. Сейчас будут соревнования по волейболу. Я самый отчаянный забойщик. Нужно идти. К некоторым ребятам приехали «боевые подруги» с детьми. Пацаны бегают по лагерю и кричат. Прибыл духо-

вой оркестр: весело. Хотел подписать «Курорт Бородеянка». Но какой черт здесь курорт! Твой Юрий.»

22 июня наши «ястребки» поднялись по тревоге навстречу летящим на бомбежку Киева «юнкерсам». Юра погиб в первые часы войны. Погиб, не изменив своему девизу: «Главное — умереть не зря...»

Говорят, что пилоты не погибают. Они просто уходят в небо, в свой последний, огненный полет.

Оксана Александровна в своей заветной шкатулке хранит не только письма Юры, но и весточки от других школьных друзей. Вот что писал ей Франц Казанджан в декабре 1940 года: «...Сегодня мы давали клятву. Ох и было торжественно! Вообрази: стоим мы в строю, появляется начальник школы, раздаётся команда «Смирно!». Рапортует начальник штаба. Потом несут Красное Знамя. Впереди — лейтенант, за ним — знаменосец с двумя курсантами по бокам. Идут они строевым шагом, да так, что на всю площадь раздаётся. Торжественно прошел прием самой присяги, а в заключение — парад.

Теперь о себе немного: здесь не каждому легко! Кто не занимался физкультурой и вообще физической работой (помнишь, как мы копали озеро!), тому трудно. Мне не трудно. Я сильный. Буду радистом. Пиши. Франц.»

А вот что писал Федя Утин в январе 1941 года: «Утром ползал по мокрому снегу на животе, потом был «кроссик» на лыжах. Словом, живем, что надо!

Завтра дадут мне отпуск в Минск. Хотя холодно, но пойду. Посмотрю, как живут люди, на защиту которых мы готовы встать!

С новым счастливым 1941-м годом тебя! Федор.»

— Они погибли в боях в первые дни войны в Белоруссии: Федя и Франц,— с грустью говорит Оксана Александровна.

«БЕСКОНЕЧНО, ЖАДНО ХОЧЕТСЯ МНЕ ЖИТЬ»

Людмила Константиновна Токарева, преподаватель литературы школы № 60, пообещала нам дать письма своего школьного друга Рафаила Петросяна.

Рафик учился в одной из лучших школ города — № 44 имени Коминтерна. Учился хорошо, был секретарем комсомольской организации. В 10-м классе пришло увлечение

квантовой механикой. И Рафик едет после школы в Ленинград, блестяще сдает там экзамены в Университет. Учится. Увлекается проблемой расщепления атомного ядра. Но призыв 1940 года приводит его в ряды Красной Армии. И жизнь стала «разворачивать» перед ним свое «полотно, не менее удивительное, чем жизнь атомов».

По письмам Рафика, сохраненным Людмилой Константиновной, можно проследить его боевой путь.

«Милая и дорогая!.. Полк, в котором я служу, — часть «Пролетарской дивизии», о которой ты, конечно, слышала. Находимся в Западной Белоруссии.»

«...Армия наша освободительная. Она борется за те идеи, которые я в принципе полностью разделяю, так что сумею отдать за них жизнь вполне сознательно. А заметь, что я по натуре — человек веселый. И сколько таких, как я, миллионов молодых людей думают, как я... Можно сказать, что в составе нашей Армии сейчас собрана вся соль нашей земли. Комиссар нашей полковой школы — ведущий архитектор Москвы. А сколько рядом со мной студентов, людей искусства, общественных деятелей! И все полны сил. И все молоды. Какая масса энергии, энтузиазма, инициативы, юношеской лихости, героизма! И знаешь, мы непобедимы, если даже нам придется столкнуться со всем капиталистическим миром! И я еще не решил пока для себя — что мне стало дороже — Армия или квантовая механика. Я сегодня целый день твержу стихи Скитальца:

...Бесконечно, жадно хочется мне жить!

Я дороги никому не уступаю!

Я умею ненавидеть и любить!

К черту мысль о том, что нужно беречь себя и сжигать свою энергию порциями, чтобы ее хватило на 150 лет!..»
/11. 2. 1940 г./

Рафик
Петросян

Весной 1941 года артполк, в котором служил Рафик, занимает позицию севернее Выборга, на самой границе с Финляндией. Здесь недавно отбушевала финская война. У границы были сосредоточены немецкие фашистские части, подкрепленные силами белофиннов. С обеих сторон границы — напряженная тишина.

И вдруг — взрыв! Война! 22 июня Рафик написал Миле: «Дорогой друг! Милая моя! У нас дожди, туманы, сырость. Серебристое озеро. Дальний берег скалистый, поросший лесом. Удивительная вещь! Здесь, на голых скалах, растут леса! Цветет черемуха. И море фиалок. Как хорошо проезжать здесь на лошади и касаться черемуховых седых кудрей, особенно после дождя... Мы — пограничная дивизия... В Ленинграде, в командировке, я размышлял, что подготовлюсь и сдам заочно вместе со всеми экзамены хотя бы за первый семестр. Хочется опять приняться за учебу! Эх, как бы я учился! Я бы грыз науку, как голодный волк... Глотал бы ее, как акула!.. Не хотел я тебя волновать, но сегодня ночью мы ловили шпионов. Под утро я шел по лесу и думал о том, что меня могут убить. И когда раздался выстрел, лишь на мгновение мелькнула мысль — «а как же родные, как Мила, как друзья? Неужели, я их больше не увижу?! Прощай, Университет! А как хочется со всеми встретиться...»

...Ну вот, Мила! Кончаю писать — ты уже тоже все знаешь. Тревога боевая. Мы получили «медальоны», вложили в них свои фамилии и адреса, нам дали каски, большой запас снарядов и продуктов и мы заняли около границы огневые рубежи. В общем, Мила, повоюем! Все. Крепко жму руку. Рафика.»

«Мой милый друг! Получил сегодня, 11 июля, твое первое письмо с начала войны... Только что получили задание: пройти в тыл противника, разыскать минометную батарею, уничтожить ее, взять «языков»... Задача ответственная и почетная. В нашей батарее вызвалось 4 добровольца. В том числе и я. Обещаю быть по возможности осторожным. Но на всякий случай — прощай. Жму твою руку. Сейчас приведу в порядок наган, гранаты, нож, полуавтомат. Если в чем виноват перед тобой — прости.»

И наконец последнее письмо:

«Милая! Воевать постараюсь за нас обоих! Дорогая моя! Опять иду в разведку! На этот раз с ручным пулеметом. Тороплюсь. Нет времени больше писать. Целую тебя, если на

прощанье (ведь тогда не будешь ругать). Рафик.» (26. 8. 1941 г.)

Из этой разведки сержант Рафика Петросян не вернулся. 26 августа он погиб в рукопашном бою с врагом на лесной поляне, заросшей ромашками и лютиками.

«ТРИЖДЫ ПОЧЕТНОЕ ПРАВО — СТРАНУ СВОЮ ЗАЩИЩАТЬ»

В начале октября 1941 года началась великая битва за Москву. По замыслу бесноватого фюрера капитуляция Москвы исключалась: город должен быть разрушен, а население уничтожено специальными зондеркомандами.

Но не тут-то было. Нет необходимости описывать, как весь советский народ встал на защиту сердца Родины. Среди защитников были и наши ташкентские мальчишки. Один из них — Григорий Ратнер, военфельдшер прославленного 10-го десантного батальона 10-й воздушно-десантной бригады, о котором поется в знаменитой песне. Заглянем в его «полевую почту».

«Мои любимые!... Идут страшные бои. Наши ребята держатся крепко. Бьются за каждый вершок земли. Потери в такой борьбе, конечно, неизбежны. Санчасти нашей хватает работы. Героических подвигов я не совершил, но само существование здесь — акт героизма. Если это письмо окажется последним — знайте, что любил вас до последнего мгновения». (3. 10. 1941 г.)

Но это письмо не было последним. Грише было суждено еще встретить новый 1942 год. В новогоднюю ночь он писал родным: «Приближается полночь. Я стараюсь представить себе, как вы встретите Новый год. Нас семь человек — три санинструктора и четыре санитары. На любого можно положиться в бою. Только что нам принесли подарки от московских рабочих. Мы не одиноки, не подавлены, не угнетены. В наше полное опасностей будущее мы глядим широко открытыми глазами...»

В письмах домой Гриша с восторгом рассказывает о своих фронтовых товарищах: «У меня был пациент. Это совсем молодой парнишка, не старше 20 лет, ленинградец. Но за время войны уже получил три ордена. Он не раз отправлялся в немецкий тыл в составе диверсионных групп. Сколь-

Григорий
Ратнер

ко интересного он рассказал! После войны кто-нибудь напишет увлекательную эпопею о десантниках, которой будут зачитываться люди! Разве не интересен рассказ о том, как четверо парашютистов, из них одна девушка, взорвали штаб немецкой армии? Или о том, как они в течение восьми дней подкарауливали немецкого генерала и все же сумели пристрелить его! Этот парнишка мне дал ценные советы, которые, вероятно, пригодятся.»

В другом письме Гриша рассказывает: «Позавчера вернулся из десантной операции 1-й батальон. Он прекрасно выполнил свою задачу и почти

не имел потерь. Панику наделали большую. Население встретило наших бойцов со слезами на глазах, помогали, чем могли. Ребята пробыли в тылу у немцев шесть дней и встретились с нашими наступающими частями. Теперь они вернулись и отдыхают... Может быть, все-таки так получится, что и я вернусь всем смертям назло!»

Но не вернулся. Пришло письмо командира части В. К. Добрадина: «17 февраля 1942 года у деревни Островки Знаменского района Смоленской области убит Ваш сын — Григорий Ратнер. Вы вправе гордиться им. Он был смелым, работоспособным человеком... При каких обстоятельствах он погиб? Подразделение пошло отражать атаки немцев, а Григорю было приказано остаться в лесочке с медпунктом. Но в критический момент медпункт тоже вступил в бой. Григорий вырвался вперед и был ранен в голову. Умер он сразу.»

В письмах Гриши, в его стихах, бережно сохраненных близкими, лейтмотивом проходит предощущение грандиозности всего того, что дано совершить его поколению, причастность к большой жизни страны, оптимизм. Вот его стихи:

Нам открыта любая дорога —
Только пробуй, твори, греми!

Мы мечтатели все немного,
Все поэты немного мы!
Наши цели ясны и четки,
Мы дадим для нашей страны
Мастеров орудийной наводки
И исследователей Луны!

Или еще:

Встает мое поколение,
Я вижу серьезные лица,
И руки, в которых паспорт,
Вздрагивают чуть-чуть...
Мы выйдем, готовые биться,
Когда зашумят границы,
Когда фашистские банды
Войну против нас начнут.
Навстречу подлым убийцам
Свою понесем мы злобу,
И каждый про паспорт вспомнит,
Врага винтовкой ища,
Про паспорт, что дал нам право
На отдых, труд и учебу,
И трижды почетное право —
Страну свою защищать...

...На рассвете 6 декабря бои развернулись в районе станций Крюково и Луговая. Здесь фашисты ближе всего подошли к Москве.

Хаким Абдуразакович Мавлянов, преподаватель географии 40-й школы г. Ташкента, рассказывает:

— Станция Луговая, за которую дрался я в составе 35-й отдельной узбекской стрелковой бригады, памятна мне. Памятна не только святостью исполненного долга, но и тем, что здесь погибло 200 наших ребят. Здесь я потерял своего школьного друга Анвара Зуфарова.

Хаким-ака надолго замолчал. Потом продолжил:

— В поселке Луговая в здании Научно-исследовательского института кормов располагался немецкий штаб, поэтому бой здесь был особенно жестоким. Потери большие. Погибших похоронили в воронках от снарядов и двинулись дальше...

А в июле 1973 года здесь развернулось большое строи-

Анвар
Зуфаров

тельство. Экскаваторщик Н. И. Атамас потревожил братскую могилу, которая никак не была обозначена. В ней оказался прах трех солдат. Была создана специальная комиссия. Один из погибших, судя по личным вещам, был узбеком. Именно отсюда в канун 30-летия победы над фашистской Германией мы доставили в Ташкент урну с прахом Сына Узбекистана.

Я часто встречаюсь с матерями погибших под Москвой ребят. Они приходят в Музей посмотреть на вещи, принадлежавшие Неизвестному Солдату. Стоят, смотрят, плачут. И каждая убеждена, что это вещи ее сына...

О школьном друге Хакима Мавлянова Анваре Зуфарове его сестра Арафат-опа рассказывает:

— Анвар 21 июня 1941 года получил диплом. Он окончил горный факультет Индустриального института. И сразу же попал на фронт. В декабре получили от Анвара короткую весточку: «Папа мой, сестра моя, здравствуйте! Пятнадцать лет вы меня учили с таким трудом, и я всегда желал, чтобы вы видели плоды этого учения. Неужели я упаду с ветки, как незрелый плод? Нет! Этого не может быть...»

Анвар был поэтом. Арафат-опа, закрыв глаза, вполголоса читает его стихотворение, посвященное погибшему другу, которое переводит Хаким-ака: «Я остался без солнечного света, без лучей твоих глаз. Ушел навсегда ты, богатырь непобедимый! Я остался без твоей светлой улыбки. Ты умел улыбаться и умел сражаться. Ты был справедливым человеком. И вдруг расстался с жизнью на рассвете. А у меня было так много слез, что ими может наполниться река. Дни мои проходят, как ночь, а душа горит, как костер. Мы будем скоро наступать. Я отомщу за тебя. Не забывайте же нас, ушедших...»

— Никогда не забываем,— говорит Арафат-опа.— Каж-

дый год его вспоминаем — когда первый снег выпадает, когда ласточки прилетят, когда розы расцветут, виноград когда поспеет...

Ее муж, Джалал-ака Авазов, добавляет к рассказу:

— Анвар очень любил садоводство... Видите во дворе яблоня—белый налив? Он привил к ней апорт. Вот так и созревают каждый год — половина яблок на яблоне — белая, а половина — красная. И виноградник вот этот он своими руками посадил. Не видели Анвара наши дети, а любят, знают, помнят...

Поистине — «человек живет век, а добрые дела — два».

Расскажем еще об одном ташкентце, бок о бок сражавшемся рядом с Анваром, — Володе Рубане.

На одной из довоенных фотографий Володя снят вместе с отцом. Открытое приветливое лицо. Обыкновенный мальчишка, каких много.

В детстве Володя часто болел, но потом стал усиленно заниматься спортом — готовить себя к службе в Армии. Окреп. Возмужал. Он мечтал быть врачом. Но в его жизнь органически входила и любовь к театру. Отец его Николай Алексеевич Рубан был заведующим постановочной частью театра имени Горького. Он помог ребятам школы № 94 поставить спектакль «Любовь Яровая».

...Выпускной вечер. Бывшие ученики 10 «А» получали последние напутствия от учителей, провожающих питомцев в большую самостоятельную, и как тогда казалось, трудовую жизнь. На сцене «неистовствовал» школьный джаз под руководством Жорика Каспарова. На душе у всех было светло и радостно. А на другой день — страшная весть: «Война!»

Ребята из 10 «А» ушли на фронт. Не вернулись четверо: Жорик Каспаров — отважный ковпаковец — погиб в одном из рейдов, пали смертью храбрых Сергей Попов, Владимир

Владимир
Рубан
с отцом

Рубан и Владимир Мороз. Был у Володи Рубана еще один закадычный друг — Аусик, Аусеклис Веньяль, латыш. Десятилетку он кончил годом раньше. Это был знаменитый на весь Узбекистан шахматист, сыгравший вничью с самим Ботвинником. Аусеклис служил в 87-м гвардейском полку. Прошагал пол-Европы и погиб в апреле 1945-го...

— Помню, Аусик очень горевал по Володе, — вспоминает Володина мать Зинаида Трофимовна. — Перед отправкой сына на фронт я приехал в Алма-Ату, где Володя кончал училище. Здесь отпраздновали его 18-летие — ему дали на день увольнительную. Уезжал Володя на фронт в холодный ноябрьский день. «Побереги себя, сынок!» — просила на прощание, а он ответил: «Мама, я еду защищать Родину. Куда пошлют — пойду безотказно».

Володя погиб под Клином в начале декабря 1941 года...

Да, Грише Ратнеру, Анзару Зуфарову, Володе Рубану и многим их сверстникам была «открыта любая дорога», но в жизни они успели использовать только одно свое священное право — «страну свою защищать».

РОДИНУ ЗАЩИЩАЮТ ВСЮДУ!

Во Дворец пионеров имени Островского пришел школьник Равшан Турабеков — внук Карима Турабекова, того самого легендарного Карима, которого в Италии знали под партизанским именем Карло. Равшан принес на занятия клуба записки своего покойного деда.

«Я был фронтовым поваром. В октябре 1941 года во время боев под Москвой подал заявление о вступлении в ряды партии. В блиндаже состоялось собрание. Выступил заместитель командира по политчасти Артыков. Он рассказал о том, как я кормлю бойцов под огнем противника. Приняли меня единогласно. Но партийных документов я не успел получить — сразу после собрания пошли в бой».

Наша часть попала в окружение. Группа бойцов под командованием лейтенанта Федора Егорова стала прорываться к своим. Утром 28 октября мы проснулись в колхозном сарае. Оказалось, окружены. Фашистов было человек сто, нас — тринадцать. Многих фрицев мы уложили в бою, но и сами понесли потери. Нас осталось только двое: я и Егоров. Лейтенант крикнул: «Турабеков! Бросай гранату!». Я поднял

гранату, бросил и... потерял сознание. Был контужен и ранен осколком в ногу.

Очнулся я вечером в каком-то подвале.

— Где я?

— В плену, браток.

Погнали нас в лагерь военнопленных в Калугу. Там я пробыл около месяца. Из шести тысяч заключенных за это время осталось лишь 600. Я весь опух с голода. Нога болела. Спас меня Саша Савранский, мой земляк, русский парень из селения Солдатское, которое находится близко от Ташкента. Он ходил на разборку развалин. Ему местные жители давали картошку. Он варил ее и кормил меня. А в феврале 1942 года гитлеровцы по этапу погнали нас в город Юхнов. Саша вел меня под руку, потому что всех слабых немцы пристреливали.

Мы с Сашей, когда я лучше себя почувствовал, решили совершить побег. Поймали. Избили. У меня выбили 14 зубов, у Саши сломали ребро. Молодые мы были. Живучие. Отлежались. Здесь мы пробыли до конца октября 1942 года. И вдруг ночью нас посадили в какой-то эшелон и повезли на Запад. А когда мы с Сашей вышли из вагона, то ахнули. Море плещет. Лимоны растут. Оказалось — мы в Италии. Мы стали рабочими пекарни одной немецкой части. Но я с тремя друзьями ухитрился совершить побег. И попал к партизанам. Жаль, Саша бежать с нами не мог — болел.

Отрядом партизан командовал бывший капитан итальянской Армии — Примо. Здесь оказалось много наших, советских. Нам дали оружие. Под моей командой было сначала 18 человек. Потом я стал заместителем Примо. Мы взрывали мосты, железнодорожные пути, обстреливали немецкие части. Примо запрещал нам часто бывать в Риме, но я стремился туда. Мне нужно было освободить из крепости Сашу, больного малярией. Однажды, когда моя группа захватила немецкого генерала с важными документами, Примо в знак

Карим
Турабеков

поощрения отпустил меня в Рим с одним заболевшим товарищем. Русские похожи на итальянцев. А мое восточное лицо сразу привлекло внимание. И вот, когда мы ехали в трамвае, к нам подошел высокий одетый в черную сутану итальянский священник. «Падре» тихо сказал нам по-русски, показав глазами в сторону немецкого офицера: «Будьте осторожны, за вами следят». Мы не растерялись и... пошли за этим необычным человеком, доверившись ему. Он привел нас к двухэтажному дому, каких много на улицах Рима. Но дом носил интересное название «Вилла Тай». Оказалось, что «священник» ходил днем в черной сутане, а ночью в форме эсэсовского офицера. Так мы познакомились с руководителем подполья советских партизан Алексеем Николаевичем Флейшером. Когда мы попали на виллу, там было 11 наших партизан. Девушка по имени Милочка встретила нас как родных. Оглядевшись, я был поражен — на стенах я увидел картины, изображающие мой родной Узбекистан: ташкентские сады, самаркандский Гур-Эмир...

Оказывается, «Вилла Тай» принадлежала художнику Алексею Владимировичу Исупову. В этой конспиративной квартире, дерако расположенной как раз напротив фашистской казармы, находили приют все советские люди, волею судеб попавшие за рубеж.

А. В. Исупов, ученик В. Серова и К. Коровина, приехал в Среднюю Азию накануне революции. С 1926 года Исупов из-за тяжелой болезни жил в Италии.

Наши новые друзья помогли устроить побег Саше Савранского из крепости.

...В Италии я воевал полтора года. Много было боев. Много всяких историй. Всего не расскажешь. Я опять был рядом с Сашей. В июне 1944 года в стране пал фашистский режим. Когда оккупанты стали отступать из города, мы напали на их части, забрасывали с крыш гранатами, стреляли. И вот во время уличного боя 4 июня я потерял своего друга. Пуля попала Саше в сердце, и он умер у меня на руках.

5 июня, в 10 утра, мы все собрались на «Вилле Тай». Здесь были отряды Примо, Алексея Коляскина, Петра Конопелько, Анатолия Тарасенко. Мы обнимались, целовались, плакали по погибшим друзьям...

А. Н. Флейшер повел нас в какой-то собор. Здесь висело несколько знамен, в том числе и флаг нашей Родины. Мы

подходили и, становясь на колени, целовали священное алое полотнище, которому мы и на чужбине были верны. Ведь Родину свою можно защищать всюду!»

А ФРИЦАМ ЗДЕСЬ ЖАРКО...

Жарким летом 1942 года, когда враг окопался всего в 150 километрах от Москвы, погиб Михаил Меш — ученик Сиднея Львовича Джаксона, знаменитого боксера — бывшего чемпиона Америки, которого судьба забросила в годы революции в Среднюю Азию. Здесь Джаксон при Дворце пионеров В. И. Ленина организовал школу юных боксеров.

Газеты предвоенных лет пестрят перечнем побед Мики Меша — чемпиона Узбекистана в наилегчайшем весе, юрко-го мальчишки, свитого из клубка мускулов. Мика был не-уязвим. Он выигрывал на ринге самые трудные бои.

И вдруг война. Мика Меш, выпускник школы имени 8 марта, забежал на минутку во Дворец пионеров проститься и сказал любимому тренеру: «Апперкоты и хуки не забудем. Испытаем их на фашистах».

В газете «Фрунзевец» военных лет рассказывалось о том, как ведут себя на фронте лучшие физкультурники Узбекистана: «Бойцы-спортсмены смертным боем бьют фашистскую нечисть. Занятия спортом привили красноармейцам и командирам богатырскую силу. Ташкентский боксер Михаил Меш, применив апперкот, нокаутировал в ночном бою немецкого офицера и привез ценного «языка»... Мике Мешу — мастеру кожаной перчатки, победителю в схватке с немецким офицером, вручили орден».

Сохранилось только одно письмо Михаила Меша:

«Боевой привет с фронта!
Жив, здоров. Нахожусь под

Михаил
Меш

городом М. Жизнь проходит в боевой обстановке. Здесь у нас, как на карнавале, много шума, блеску со светом и вообще «тепло и мухи не кусают». А фрицам здесь жарко, их проби-вает тройной пот. Я попал в артиллерию, и наша задача — в случае прорыва танков противника — их уничтожить! При-вет всем родным и знакомым.» (24. 6. 42 г.)

Мы не знаем — в какой из схваток с танками противника погиб Меш. Знаем одно, что Михаила уже не было в живых, но молва о его ратных подвигах шла по фронту.

«ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ НЕЛЕПЕЕ ВОЙНЫ?»

Мы беседуем с худенькой женщиной, бывшей чемпион-кой республики по легкой атлетике Ирандой Николаевной Ильинской. Она потеряла на фронте родного брата и своего школьного друга. Обоих звали Борисами. Борис Ильинский закончил школу имени КИМ в 1934 году, Борис Иванцев — в 1941.

Ильинский в 1940 году окончил архитектурный факуль-тет Ташкентского индустриального института. Успел за год работы спроектировать и принять участие в строительстве моста на Бешагаче.

Борис был призван в армию в первые дни войны вместе со своими 12 товарищами, архитекторами. Он стал сапером. «Что может быть нелепее войны? — пишет Борис родным. — Я, строитель, создатель, учусь разрушать...»

Сохранилась открытка однополчанина Бориса — А. Е. Ци-царкина: «В декабре 1942 года, в то время когда наша часть шла в атаку, Борис был ранен в правое бедро. Но продол-жал командовать: «Вперед, за Родину, на врага!» В это вре-мя его вторично ранило. Потом наши части отошли. Куда делся Борис — не знаю...».

До последних минут своей жизни мать Бориса ждала сы-на. Не дождалась...

Борис Иванцев мечтал стать авиационным инженером. В апреле 1941 года он отослал заявление в институт, в Кие-в, и в дни школьных экзаменов получил вызов. Но грянула война, и выехать пришлось не в Киев, а в Алма-Ату, в пе-хотное училище.

«Ползаем, бегаем, стреляем, учимся воевать», — пишет он Ире. Трудно выкроить время написать весточку домой, невесте. Но письма приходят часто. Борис не стыдится быть

нежным с любимой девушкой. Он просит ее: «Иринка! Поча-ще заходи к маме. Она ведь любит все, что люблю я, а следовательно, любит и тебя.»

В января 1942 года старший лейтенант Борис Иванцев вы-езжает на фронт. Он понимает и чувствует всю сложность, опасность и длительность за-вязавшейся не на жизнь, а на смерть борьбы с врагом.

«Редко пишу. Думаешь — забыл тебя. Нет. Но на первом месте стоит теперь другая за-дача — уничтожить фашизм и победно закончить войну. Я по-ка жив и здоров. А сколько ребят гибнет!

И все же: хороша жизнь!

Как хочется учиться, любить!

Быть счастливым! Интересна и сурова моя жизнь сейчас. Постоянное напряжение, тяжелая «работа» стрелка-пехотия-ца, жизнь под открытым небом. Земля, оказывается, везде приветлива, а природа щедра. Я имею удовольствие слушать музыку снарядов и соловьиных голосов... Век бы слушал со-ловьев, да надо давить гадов, что приползли на нашу зем-лю... И соловьев сменяют орудия.» (13. 5. 1942 г.)

А вот последнее письмо Бориса: «Добрый день, Ирочка! Пишу тебе, когда мне осталось жить перед большим на-ступлением меньше суток. Ну, куда мы пойдём и зачем, те-бе, думаю, не надо писать. Чувствую себя прекрасно. Споко-ен. Видно, не скоро сбудется моя заветная мечта — увидеть Ташкент. Что ж, пойду выполнять свой долг перед Родиной и выполню его с честью и до конца. Иришка! Если я не вер-нусь, то любовь к тебе унесу с собой. Я пронесу ее сквозь пламя войны или погибну вместе с ней. Я люблю тебя, Ира... Твой Борис.»

«ДО ПОСЛЕДНЕГО ДЫХАНИЯ!»

Отшумели школьные годы. И Анисим Богуславский стал студентом Ташкентского политехнического института. Этот

Борис
Иванцев

Анисим
Богуславский

подтянутый серьезный сероглазый парень запомнился многим преподавателям.

В одной группе с Анисимом училась курносенькая девушка Женя. Три года студенческой жизни они были неразлучны. Женя считалась на своем курсе «огоньком», у нее был неунывающий характер.

В начале лета 1941 года студенты поехали на практику в Казахстан. В жаркое июньское воскресенье пошли в лес, пекли картошку в золе, пели под гитару песни, читали стихи. А когда вернулись в город, встретили взволнованного прораба: «Война!»

Анисим попал в пехотное училище в Намангане. Письма Жене наполнились тем, чего не было в них раньше, теплотой и любовью: «Если придется умереть, то последние мысли будут с тобой, о тебе... Твои письма — кислород, которым я дышу.» Строки его писем звучат, как гимн любимой: «Женя, Женечка! Ты большая, сильная, и ум твой и мысли твои должны быть светлы... Готовь себя к жизни умело, серьезно...»

На фронте лейтенант Богуславский командует батареей минометов. Под Орлом идут ожесточенные бои. Вот отрывок из письма, присланного Жене незадолго до гибели: «Стоим в только что освобожденном селе. Противник рядом — вижу его, как на ладони. Эти подлецы пришли к нам грабить и убивать. Кругом развалины, воронки, разбросаны вещи мирных жителей. Людей нет. Расстреляны. Во имя счастья и свободы Родины буду бить этих гадов до последнего дыхания...»

Женя получила страшную весть с фронта: «С боевым приветом, Евгения! Сообщаю Вам о Вашем друге Анисиме — он погиб 28 октября 1942 года на поле боя как герой... Старшина роты Г. В. Сазонов.»

— Мы вместе мечтали построить новый Ташкент, — с болью говорит нам Евгения Михайловна, и помолчав, добави-

ла: — И вот теперь я часто думаю — видел бы он свой родной город... Мечты его воплотились в жизнь.

«ЖИЗНЬ — БОРЬБА»

Есть в Куйбышевском районе Ташкента одна из старейших школ — № 208 имени Горького. Среди выпускников этой школы — Саттар Саламов. Школу Саттар окончил в предгрозовом 40-м году с отличием, хотя она была с русским языком обучения. Много внимания уделял Саттар и общественным делам, увлекался техникой. Любил небо. Одновременно со школой закончил летные курсы. Саттар был вожаком, учил своих орлят делать планеры, звал мальчишек за собой в бездонную синеву.

После окончания школы Саттар поступает в Оренбургское летное училище имени Чкалова. Потом — Калининский фронт. Саттар воевал в составе 686 ночного штурмового авиационного полка.

Калининские леса... Именно здесь, в тылу врага, сражались знаменитые партизанские отряды. Им активно помогала наша авиация. Кроме того, авиация в воздухе преграждала путь гитлеровским «люфтваффе», все еще совершавшим разбойничьи ночные налеты на Москву. Участником этих боев был Саттар Саламов, 12 августа 1942 года он не вернулся на базу.

Красные следопыты школы № 208 Андрей Ненилин, Юля Будяк, Олег Ленков и другие пытались восстановить боевой путь Саттара. Но леса и болота калининской земли упорно хранят тайну его гибели. Здесь до сих пор находятся следы жестокой битвы. Может быть, найдутся и свидетели последнего воздушного боя Саттара Саламова.

Вместе с Саттаром в Оренбургском летном училище учился его земляк Николай Горошков.

Саттар
Саламов

Николай
Горошков

«Во мне рождается новый человек,— писал из училища своей школьной подруге Люде Корвицкой Коля Горошков,— этот человек не ждет, что кто-нибудь сделает для него и за него дела, даже самые тяжелые. Рождается такой человек, для которого жизнь — борьба!»

После окончания ташкентской школы Коля уезжает в Новосибирск, поступает там в транспортный институт. Могучая Сибирь восхищает его, но он скучает по Узбекистану. Перед самой войной Николай Горошков возвращается в Ташкент и работает ответственным секретарем газеты «Пионер

Востока». Его влекут две страсти — литература и техника. Он мечтает стать летчиком и пишет стихи.

Стихи тех лет полны восторга от первых ощущений полета: «Нерушим мотора ровный рокот. Вдаль уходят горы и поля. Только с каждым новым разворотом небо — в бок и на дыбы — земля!»

В стихах юного Коли точно сформулированы мысли людей ранней гражданской зрелости:

Вам хорошо под развесистым дубом
Нежность у девушки красть без оглядки!
А видели вы, как закат порубанный
Топчут кони в сабельной схватке?!
Глазу приятно видеть мир весь
Убранным празднично — в розовом цвете!
Но разве классы без драки смирились
И больше войны не будет на свете?!

С первых дней войны Николай на фронте. Он — летчик бомбардировочной авиации дальнего действия.

Многое, что сделано Колей Горошковым и его товарищами, казалось в те дни фантастическим, невероятным. Враг стоял у самых стен Москвы. А наши летчики и штурманы

летали на бомбардировку Берлина. На огромных фугасках мелом они выводили надписи: «Подарок фюреру», «Конфетка для Геббельса!» и т. д.

В октябре 1941 года самолет Коли был сбит зенитками над румынским городом Плоешти. Внизу — море огня. Это горели нефтебаки, подожженные метким попаданием бомб. Коле, обожженному, раненному в ногу, удается приземлиться в лесу. Начинается его фантастическое путешествие по тылам врага. Он шел ночами, а днем прятался в старых сараях, каменоломнях, колодцах. 3 месяца он пробирался к своим, пересек линию фронта и попал в госпиталь, где пролежал целых полгода.

Здесь Николай продолжает писать стихи, вернее повесть в стихах о Гражданской войне — «Конармия». Люде он присылает главы из этой повести. «Надо сознавать — чьи же мы наследники», — пишет он по этому поводу в письме.

В одном из писем Люде есть удивительные строки: «Людок! Война будет кровавой и жестокой. Знаю это. Но — мы победим! Назначая встречу всех наших друзей на 15 мая 1945 года в вестибюле школы имени Ленина.» Коля ошибся в сроке окончания войны всего лишь на неделю.

В начале ноября 1942 года самолет Коли вылетел на очередное задание. При перелете через линию фронта его изранили зенитки врага. Был на исходе бензин. Шел ледяной дождь. Не дотянув трех километров до своего аэродрома, самолет рухнул в Оку. Подняли его со дна реки со всем экипажем лишь на следующий день.

«Живите счастливо! Живите весело! Живите дружно!» — завещал Коля близким в одном из своих писем. Именно такую жизнь он защищал.

«ПРИЖМЕМ ФАШИСТАМ ХВОСТ»

Мамаев Курган — памятник воинской славы... Скорбящая Мать, оплакивающая безвременно ушедшего сына. Она олицетворяет собой всех матерей, которые понесли такую же невосполнимую утрату.

...Лейтенанты Георгий и Борис Цедейко до войны студенты Ташкентского индустриального института попали под Сталинград в сентябре 1942 года. Враг сосредотачивал здесь все новые и новые силы, а наши части продолжали активные

Георгий
Цедейко

действия. Это была прелюдия знаменитой битвы. Время напряженное. Георгий пишет домой: «Миллионы людей дерутся с подлым врагом. Померяемся и мы силой с фашистами, покажем им работу нашего нового оружия. Прижмем фашистам хвост...»

И в следующем письме: «Мы сильно скучаем по родному «любимому городу», который растаял «в синей дымке», по любимой работе. Эту разлуку никогда не простим и будем бить фашистов со всей ненавистью людей, у которых отняли самое дорогое желание — созидать.» (2.9.1942 г.)

Борис был горняком. Жорик — архитектором...

Но вдруг в дом Цедейко почта принесла письмо, написанное чужим почерком. Оно извещало о героической гибели Бориса.

А через неделю пришло еще одно страшное письмо. О смерти Жоры в бою сообщал его друг солдат Давыдов.

...Склонились в трауре каменные знамена на Мамаевом Кургане. Это память о тех, кто гордо сказал: «За Волгой нам земли нет!» О тех, над кем распростерла руки Мать.

В БОЯХ ЗА ОРЛОВЩИНУ

Поиск ташкентских мальчишек привел нас в Министерство хлопководства, где работает одноклассница Айтугана Саматова Асия Ганиевна Хасанова.

Асия Ганиевна взволнованно рассказывает:

— Мы часто собирались у Айтугана, потому что у него дома был рояль — большая редкость по тем временам. Айтуган играл на рояле, гармони, мандолине и гитаре, хорошо рисовал, увлекался спортом. Айтуган был из интересной семьи. Его двоюродный дядя — Абдулла Алиш — татарский

поэт, сподвижник Мусы Джалиля, казненный вместе с ним. Отец Абдурауф Саматов одно время был переводчиком у Юлдаша Ахунбабаева. Затем занялся литературной деятельностью. Он умер перед самой войной.

Асия Ганиевна сообщила нам адрес сестры Айтугана — Айслу. Это женщина мужественной и суровой судьбы. Она слепа, но это не помешало ей стать известным в городе музыкантом. Сестра рассказывает об Айтугане:

— После смерти отца ему пришлось оставить занятия музыкой и взвалить на свои неокрепшие плечи всю заботу о семье — обо мне, больной маме и брате Якуте. После школы Айтуган поступил в Ташкентский индустриальный институт. Вернувшись с практики, он заявил: «Это интереснее, чем музыка, хотя музыка еще и поет в моей душе.»

С 1942 года он — на фронте. Минометчик. В конце года Айтуган — ранен. По дороге из госпиталя с Урала он заехал в Оренбург, где в специнтернате для незрячих детей я училась музыке...

Я навсегда запомнила запах мокрой шинели брата, скрип его сапог и подвязанную у пояса связку гранат...

А вскоре после этого мать Айтугана Хайят-опа получила «похоронку». В ней сообщалось, что в битве за Орел в феврале 1943 года смертью храбрых пал старший лейтенант Айтуган Саматов.

Это была вторая «похоронка» в доме Саматовых. В сентябре 1942 года в бою под Сталинградом сгорел в своем танке лейтенант Якут Саматов, вступив в единоборство с танками врага. Айтуган так и не узнал о гибели брата. Мужественная мать не сообщила ему этого печального известия.

На орловской земле погиб еще один ташкентский мальчишка — Валентин Ходжаев.

Айтуган
Саматов

23 июня 1941 года Вале исполнилось 17. И он немедленно отправился с заявлением об отправке на фронт в районкомат Ленинского района. Военком сказал коротко: «Будет надо — вызовем».

Через несколько дней военком опять увидел у двери своего кабинета этого смуглого парнишку в черной тюбетейке. Так продолжалось довольно долго. И вот наконец наступил такой день, когда Вале вручили повестку.

Вера Андреевна, мать Валентина, поведала интересную историю:

— Валентин родился в городе Туркестане. Как-то приходит муж домой и говорит: «Завтра в народном доме октябрины!» Это было очень торжественно. Некоторым детям давались новые революционные имена. А наших малышей принимали сразу в октябрята, пионеры и комсомол. Так мой сыночек в 11 месяцев получил октябрятскую звездочку, пионерский галстук и комсомольский билет. А когда мы в 1927 году приехали в Ташкент, я поставила его на учет в райком комсомола. Так что к окончанию школы у него был большой комсомольский стаж, чем он очень гордился. Валентин гордился и тем, что он по крови был и узбек и русский. А я его так и звала «Мой интернационал!».

Валентина направили учиться на радиотелеграфные курсы. Это в городе Ташкенте. Он был там самым юным. Я часто навещала сына и очень расстраивалась, что Валя чистит картошку на кухне, потому что натер ноги огромными сапогами...

После окончания курсов Валентин попадает на Ленинградский фронт. Стоит суровая зима 41 года. В одном из трудных лыжных походов Валя обморозился. Лечился в госпитале. Затем сражался под станцией Клётская. Летом 1942 года именно здесь пытались прорваться к Сталинграду вражеские танки. Валентин был тяжело ранен. Попал в госпиталь в Красноярске. Но опять рвался на фронт и добился своего, еще не совсем выздоровев. Часть, в которую попал Валентин, находилась на земле орловской. 10 июля 1943 года пришло письмо, в котором он сообщал: «У меня большая радость — на днях я стал кандидатом в члены ВКП(б). Хочу быть, как папа, партийцем. Ведь в Отечественную войну партийцы играют огромную роль в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками...»

А 17 июля, «в бою за социалистическую Родину, верный

воинской присяге, красноармеец — радист Валентин Ходжаев погиб.»

Больше 30 лет не знала Вера Андреевна, где могила ее сына. Помогли ей красные следопыты Дворца пионеров имени Крупской. Полетели письма в Орловскую область, в Москву... В одном из ответных писем было сказано: «Валентин Ходжаев похоронен в деревне Калинеево Мценского района Орловской области...»

А было мальчишке тогда всего 19...

ЗАЧИСЛЕНА НАВЕКИ В СПИСКИ ПОЛКА

Летом 1943 года для проведения операции «Цитадель» гитлеровцы выбрали курское направление. В районе Прохоровки произошло самое крупное во второй мировой войне танковое сражение. В нем участвовало с обеих сторон около 1200 танков. Небо было черным от дыма.

На одном из участков насмерть встали два наших земляка — Вольдемар Шаландин и Юрий Соколов.

Все мальчишки любят играть в войну. Вольдемар в детстве носил прозвище «Вовка-Чапай». Он был смел, силен и справедлив. Вольдемару нравилось и его собственное революционное имя, одно из тех имен, которое давалось детям коммунистов 30-х годов. Полностью оно писалось «Бор-Вольдемар», что значит: Борцы за волю от декабристов до марксистов.

Война застала Вольдемара в Москве. Он, как и все московские мальчишки, дежурил на крышах, сбрасывал «зажигалки», копал оборонительные рвы.

Затем его семья и семья Юры Соколова эвакуировались в Ташкент. Здесь они окончили 10 классов в школе № 80, а затем Чирчикское танковое училище.

23 февраля 1943 года Вольдемар и Юра были зачислены в состав 1 гвардейской танковой бригады, оба стали командирами танков. Вольдемару 18 лет. Юрию 19. Оба счастливы, полны решимости драться с немцами насмерть.

На рассвете 5 июля фашистские войска перешли в наступление. Часть, в которой служили Ю. Соколов и В. Шаландин, должна была удерживать высоту 245.80 вражеских танков двинулись на эту высоту. А преградили им путь всего 4, которые вели Шаландин, Соколов, Бессарабов и Бочковский.

Вольдемар
Шаландин

Наши ребята подбили несколько «тигров», остальные замерли на месте. Тогда фашисты вызвали авиацию. Началась яростная бомбежка. Загорелся танк Бочковского. Члены экипажа перебежали в танк Бессарабова. Поддерживаемые авиацией, «тигры» снова ринулись в атаку. Танк Соколова застрял в воронке. Отстреливаясь, экипажи Шаландина и Бессарабова стали помогать ему выбраться. Как только они его вытащили, в него попал снаряд. Был поврежден и танк Бессарабова, израсходовавший к этому времени все боеприпасы.

Танк Вольдемара Шаландина вынужден был вступить в единоборство с десятками вражеских «тигров».

Целых четыре часа длился неравный бой. Танк Вольдемара носился по самой вершине холма, увертываясь от вражеских снарядов, от бомб, и в упор бил по «тиграм» и «фердинандам».

Наконец показалась подмога. Это придало Вольдемару новые силы. Он направил машину на самый гребень холма и выстрелил по врагу подряд три раза. Но в неистовый танк попала бомба со спикировавшего немецкого самолета. Раздался взрыв! Все было кончено.

Яростно обрушились на врага танки из резерва, фа-

Юрий
Соколов

шисты бросились наутек, оставив на поле боя более 20 танков.

Когда бой утих, открыли машину Шаландина. Юный танкист сгорел. Но, судя по положению его тела, уже горящий, он готовился выпустить последний снаряд. За этот подвиг Вольдемару Шаландину было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, а Юрий Соколов был награжден орденом Отечественной войны.

Есть серия почтовых марок, объединенных девизом: «Зачислен навеки в «списки полка.» С одной из таких марок смотрит на нас Вольдемар Сергеевич Шаландин.

«Быть, как Шаландин!» — к этому стремится каждый из курсантов чирчикского танкового училища. Почти все они желают попасть в 4-ю роту, курсанты которой гордо именуется «шаландинцы».

ТРИ БОГАТЫРЯ

В народе существует поверие, что богатырь тот, кто за землю родную постоять умеет. А о богатырских подвигах могут рассказать и скупые фразы наградных листов. Вот некоторые из них.

«Герой Советского Союза Ислам Усманов (1922—1944 гг.), командир стрелкового отделения, узбек, воспитанник Ленинского комсомола. В ночь на 26 ноября 1943 года младший сержант Усманов со своим отделением под сильным пулеметно-минометным огнем противника одним из первых форсировал реку Днепр в районе Запорожья и высадился на правый берег. Он первым бросился в траншею противника, уничтожил станковый пулемет с расчетом (восемь вражеских солдат) и взял в плен одного унтер-офицера... В течение ночи он со своим подразделением отразил пять контратак противника, при этом лично уничтожил 15 фашистских солдат.

13 января 1944 года Усманов погиб.

22 февраля 1944 года Исламу Усманову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.»

«Гречушкин Дмитрий Федорович — гвардии лейтенант, командир взвода противотанковых ружей 4 эскадрона 60-го

Ислам
Усманов

гвардейского Черниговского кавалерийского полка 16 Черниговской кавалерийской дивизии. Родился в 1921 году, до войны проживал в УзССР. Призван Ленинским райвоенкоматом г. Ташкента.

Проявил мужество, храбрость и умение управлять взводом в сложной боевой обстановке. Он одним из первых переправился через Днепр и огнем взвода противотанковых ружей отразил танковую атаку противника. В боях за село Галки Гомельской области 30 сентября 1943 года, когда гитлеровцы применили танки и самоходные пушки против кавалерийского эскадрона, Гре-

чушкин в тяжелую минуту взял противотанковое оружие и вступил в единоборство с танками противника типа «тигр». Танковая атака была отбита. Лейтенант погиб. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1944 года гвардии лейтенанту Д. Гречушкину присвоено звание Героя Советского Союза.»

«Коваль Дмитрий Иванович — лейтенант, старший пилот 45 истребительного авиационного полка. Во время воздушных боев сбил 10 самолетов противника, штурмовыми действиями уничтожил танк, 29 автомашин, около 150 солдат и офицеров. К 1 мая 1943 года совершил 127 боевых вылетов, участвовал в 26 воздушных боях, во время которых смело вступал в бой с превосходящими силами противника.

20 апреля 1942 года 4 самолета ЯК-1, выполняя задание по прикрытию наземных войск, встретились с 14 истребителями Ме-109; советские летчики приняли бой, в воздушной схватке Коваль сбил один истребитель.

23 марта 1943 года лейтенант Коваль сопровождал группу штурмовиков. При подходе к цели четыре вражеских истребителя пытались атаковать наши самолеты. Завязался

бой. Коваль с близкого расстояния расстрелял одного стервятника, он рассыпался в воздухе. Второго сбил ведомый Ковалья лейтенант Лавицкий. Штурмовики, выполнив задание, вернулись без потерь на свой аэродром.

15 апреля группа наших самолетов прикрывала боевые порядки наземных войск в районе станции Крымская. В это время 60 вражеских самолетов-бомбардировщиков под прикрытием 25 истребителей пытались бомбить наши части. В результате ожесточенного боя, длившегося 40 минут, часть бомбардировщиков обратилась в бегство, не сбросив бомбы, а те, которые провалились, беспорядочно сбросили свой груз. Воздушный бой кончился победой наших летчиков. Было сбито 6 самолетов врага. Коваль сбил один Ме-109. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1943 года лейтенанту Ковалю Дмитрию Ивановичу присвоено звание Героя Советского Союза.»

И еще один скупой документ, хранящийся у матери Героя Натальи Николаевны.

Извещение

Ваш сын, Герой Советского Союза, старший пилот лейтенант Коваль Дмитрий Иванович, 1918 года рождения, уроженец города Ташкента,

Дмитрий
Гречушкин

Дмитрий
Коваль

улица Полторацкого, 30, в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, погиб в воздушном бою 8. 5. 43 г. Похоронен в станице Крымская, Краснодарского края.

Командир воинской части подполковник И с а е в.

«НАМ ЕЩЕ ВОЕВАТЬ И ВОЕВАТЬ...»

Шла весна 1941 года. Во Дворце текстильщиков самодеятельный драмколлектив ставил «Мятеж». Достать билеты было очень трудно. Фурманова играл ученик 10 класса школы № 97 (ныне 89) Евгений Писарев. Неониле Филипповне было приятно слышать лестные отзывы об игре сына. Женя давно увлекался театром, даже списался с Москвой, с театральным училищем имени Щепкина, послал туда документы. Но началась война. Он поступил в Университет, на физмат. На фронт его не брали — был еще молод: всего 17. Неонила Филипповна вспоминает:

— Когда в 1942 году Женя стал призывного возраста, он сказал мне: «Мама, девочки воюют, а я как математик здесь, в тылу, по брони. Не могу людям в глаза глядеть. Я в Университете, как скала, возвышаюсь среди девчонок и фронтовиков-инвалидов... И что я отвечу потом, после победы, когда спросят, где ты был всю войну, за чью спину прятался...»

Женя добровольно пошел учиться в Чирчикское танковое училище. Я приехала к нему в Чирчик. «Женечка, может, пока ты учишься, и война кончится...» — сказала с надеждой. «Нет, мама, на это не надейся, — сказал он мне твердо, — нам еще воевать и воевать. Но запомни мои слова, мы, ребята 1924 года рождения, будем кончать войну...»

Училище Женя окончил с отличием, получил звание лейтенанта, был зачислен в гвардейский полк и поехал на Урал, получать танк.

В марте 1944 года Женя выехал на фронт. «Едем очень быстро и весело, — пишет Женя маме. — Настроение очень хорошее. Сейчас стоим на станции Шепетовка. Если помнишь — это родина Николая Островского, чье мужество воспитало наше поколение...»

Была весенняя распутица. Шли бесконечные дожди, пазмывая украинский чернозем до состояния киселя. Но

62-я танковая бригада с ходу вошла в ожесточенный бой с «тиграми» противника.

В первом бою за деревню Денюкино Женя был ранен в голову. Но в госпиталь идти отказался. Его перевязали в медсанбате. А на следующий день отважный командир танка Евгений Писарев опять ринулся в бой. Бои за эту деревню были очень тяжелыми. Она три раза переходила из рук в руки. И в этом втором в своей жизни бою девятнадцатилетний лейтенант погиб.

Танк его был подбит, но не выходил из боя. Затем — взрыв. И все было кончено. За совершенный подвиг Евгений Писарев был посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени.

Помнят на земле Хмельницкой области своих освободителей... Ездил Неонила Филипповна на могилу сына. 25 лет она не знала, где захоронен, пока красные следопыты Дворца пионеров имени Крупской не завязали переписку с украинскими школьниками. Оказалось, что Евгений Писарев захоронен в трех километрах от поля боя в селе Чабаны. Видела Неонила Филипповна огромную яму в земле на месте взрыва танка сына. Разговаривала с жителями села, которые были тогда мальчишками и девочками и плакали, глядя, как хоронят погибших бойцов.

В комнате Неонила Филипповны, учительницы-пенсионерки, часто бывает многолюдно — к этой совсем одинокой женщине приходят бывшие ученики. И всегда они останавливаются в молчании перед стеной, где рядом с портретом Жени на черной креповой ленте висит его орден Отечественной войны, который ему так и не удалось поносить.

«НЕ БУДЕШЬ ТЫ ОТБРОСОМ СТРАНЫ СВОЕЙ...»

Своему сыну, Георгию, рожденному в 1925 году в Чехословакии, Марина Цветаева писала:

Евгений
Писарев

Георгий
Эфрон

Кем будешь — бог один...
Не будешь кем — порукой!
Я, что в тебя всю Русь
Вкачала, как насосом.
Бог видит — побожусь —
Не будешь ты отбросом
Страны своей...

Когда Георгию исполнилось 14 лет, они с матерью вернулись в Москву. Впервые подросток вступил на священную брусчатку Красной площади, услышал звон Кремлевских курантов, увидел мраморное здание с колоннами — Музей изобразительных искусств имени Пушкина — детище его деда Ивана Владимировича Цветаева.

Когда началась война, Марина Ивановна с сыном эвакуировалась в Татарию, в городок Елабугу. Здесь в августе 1941 года ее не стало, а Георгий переехал в Ташкент.

То, что Георгий Эфрон был учеником одной из ташкентских школ, известно. Но какой?.. И вот мы в гостях у преподавательницы Института иностранных языков Нурии Ибрагимовны Музафаровой. Нурия Ибрагимовна в 1941 году окончила ташкентскую школу № 64 имени Энгельса, которая существует и поныне. Вот что она рассказала:

— В нашу школу стали прибывать эвакуированные ребята. Как-то младший брат Измаил привел домой красивого 16-летнего юношу. Одет он был в чудесный бежевый пиджак. Но, когда снял его, оказалось, что шелковая подкладка вся порвалась «на ниточки». Помню, мы весело смеялись. Все звали паренька Мур Цветаев, а по документам он был Георгий Эфрон.

— В первых числах октября, — рассказывает брат Нурии Ибрагимовны Измаил Ибрагимович Музафаров, — в наш класс пришел новенький. Кто-то бросил реплику: «Ну вот, теперь у нас есть свой Печорин.» Мальчик был высокий, стройный, с большими голубыми глазами, с идеально зачесанными светло-русскими волосами, в элегантном костюме, в

сорочке с галстуком. В руках он держал большой красивый кожаный портфель, в котором, кроме учебников, были еще две щетки — для обуви и одежды. Это нас, помню, потрясло. Шла война. Мы все были одеты неважно, даже небрежно, а он следил за собой, хотя и пиджак, и пальто, и ботинки были у него единственными. Манера носить одежду, разговаривать, держаться — все свидетельствовало о высокой интеллигентности. А жил Мур на углу улиц К. Маркса и Инженерной — на чердаке двухэтажного дома, в фанерной будке, сделанной для каких-то хозяйственных надобностей. Там не было ни света, ни отопления, ни воды, стояла железная кровать, стол и табурет. Отапливал он свое «жилье» керосинкой. Мы учились в третью смену, классов не хватало. А днем Георгий работал художником в УзТАГе. Напротив театра Горького был огромный глухой забор. И прямо на нем рисовал Георгий патриотические плакаты, карикатуры на фрицев, писал стихи. За свой труд Георгий получал хлебную карточку и талоны в столовую.

Измаил Ибрагимович достал из стола пачку писем. Это письма ныне покойной Ариадны Сергеевны Эфрон — родной сестры Георгия. В одном из них сказано: «Милый Измаил — Исму! Спасибо сердечное за письмо. Мур вспоминает Вас не раз в своем дневнике ташкентских лет, вспоминает нарване с Алексеем Толстым. В частности, пишет о том, что в вашей семье частенько подкармливали его в то несмытное время и вообще помогали существовать. Спасибо вам за это...»

— В первых числах июня 1942 года мы закончили 9-й класс, — продолжает Измаил Музафарович, — Мур уехал в Москву. Долго ничего я не знал о друге юности. Только через много лет в одной из статей, посвященных Марине Цветаевой, прочитал такую фразу: «А ее любимый сын Мур погиб на фронте в 1944 году.»

Позже Ариадна Сергеевна писала Музафарову: «Милый Измаил! Мур погиб в июле 1944 в Латвии, около Даугавпилса. Удалось получить сведения о том, что он был ранен 8 июля и направлен в медсанбат, по-видимому, рана была смертельной.»

А вот еще строки из письма Ариадны Сергеевны Измаилу Музафаровичу: «Внешне Мур походил не на отца, а на мать, а внутренне был как-то «сам по себе», хотя и унаследовал одаренность обоих родителей. Уцелели его дневники и письма, которые он успел написать, и пачка рисунков —

грустные доказательства его способностей. Нынешним летом среди работ, связанных с архивом матери, который я готовлю для передачи государству на вечное хранение, я занималась приведением в порядок писем брата. И вновь и вновь поражалась взрослому их уму, общей одаренности, культуре. Еще раз — великое спасибо за добрую память о нашем чудесном 19-летнем мальчике...

ДРУЖИНА ИМЕНИ ГУРИНА

Всеволод Гурин был белорус. Но он родился, вырос в Узбекистане и очень любил этот край.

Голубоглазый, светловолосый Всеволод был, пожалуй, самым тихим и болезненным мальчишкой в школе № 7 имени КИМ. Но он мечтал стать моряком и закалял себя. Всеволода очень любил преподаватель математики школы Яков Иосифович Леренман. Он называл парнишку «светлая голова».

В марте 1943 года из 10 класса Всеволод ушел добровольно в армию. Он окончил радиокурсы в городе Ташкенте, получил звание младшего сержанта и был отправлен на фронт. Воюет в Белоруссии, Прибалтике... Здесь идут кровопролитные решающие бои.

В ночь на 29 июля 1944 года наши части под городом Зарасай начали разведку боем. Вонны 4-й роты 1126-го стрелкового полка переправились на противоположный берег озера Южинтай. Отбивая атаки, вонны роты удерживали плацдарм, давая возможность переправиться всему батальону. В этом бою во время одной из атак девятнадцатилетний радист Всеволод Гурин, окруженный врагами, вызвал огонь на себя. Геройская смерть радиста дорого стоила фашистам. Наши артиллеристы осыпали их таким огнем, что они бежали, бросая технику и раненых.

Орденом Отечественной войны II степени посмертно был отмечен подвиг Всеволода.

Сейчас на том месте, где ташкентский мальчишка вызвал огонь на себя, плещутся волны Анталептского моря, созданного человеческими руками, а останки солдат, погибших здесь, перезахоронены на воинском кладбище.

Пионеры зарасайской школы № 1 имени Марии Мельникайте провели большой следопытский поиск и нашли родных

Всеволода. Учительница Лайма Денафене пишет им: «Любовь к Всеволоду, гордость за его подвиг чувствуют ученики нашей школы. Пусть дети умеют дорожить тем, что имеют сегодня, пусть знают, как хорошо жить, когда над твоей страной мирное небо. Наша дружина носит имя Всеволода Гурина.»

Плещутся синие-синие волны Анталептского моря. Летают над ним белые чайки. На братской могиле, в которой покоится рядом с друзьями прах отважного радиста из Ташкента, начертаны гордые слова: «Их мужество было беспримерным. Их воля была непреклонной. Их слава бессмертна».

Всеволод
Гурин

ОН ПОВТОРИЛ ПОДВИГ ГАСТЕЛЛО

Юра Ивлиев с седьмого класса «заболел небом». Он ходил в авиамодельный кружок Дворца пионеров, а потом записался в аэроклуб. Увлечение стало страстью. В 1940 году, после окончания 9 класса школы № 25, Юрий пошел в военкомат и упросил направить его в Чкаловское летное училище в г. Оренбург. Отсюда в 1941 году Юра был направлен на фронт и принял участие в великой битве под Москвой. Он летал в небе Подмосковья, Украины, Белоруссии, совершал налеты на вражеское логово — Берлин. Вот что написано о мастерстве Юрия в книге П. Асташенкова «Конструктор легендарных Илов»: «Еще более ярко отразились высокие летно-боевые свойства штурмовика в полете Героя Советского Союза летчика Ю. Д. Ивлиева, возглавлявшего налет 24 «Ильюшиных» на авиабазу «Сеци» на Смоленщине. (Напомним читателю, что в Сеци действовала группа подпольщиков под руководством Героя Советского Союза Анны Морозовой). Партизаны указывали нашим летчикам, как

Юрий
Ивлиев

лучше разбомбить аэродром, откуда совершились зверские налеты на Москву. Фашисты сильно защищали авиабазу зенитной артиллерией. Уже при подходе наших штурмовиков зенитки врага открыли ураганный огонь. Но этот огонь не помог. Штурмовики прорвались на базу, сразу уничтожив 15 самолетов. Из-за сильного огня зениток штурмовикам пришлось рассредоточиться. Этим немедленно воспользовались стервятники «фокке-вульф-190» и «мессершмидты». Самолет Ивлиева атаковали сразу два истребителя. Экипаж отбил две атаки. В третьей фашистам удалось попасть в

штурмовик. Пробита броня кабины летчика, разбит пулемет воздушного стрелка, а сам стрелок ранен. В кабине возник пожар. Напрягая последние силы, стрелок потушил пламя. Следующую, четвертую атаку вражеских истребителей стрелок отбил из... ракетницы. Фашисты пошли в пятую атаку. Пробита правая плоскость, повреждено левое колесо, пробиты киль и фюзеляж. На помощь израненному ИЛу пришли наши истребители, они отогнали фашистских стервятников.

Но летное мастерство Ю. Ивлиева и замечательные качества ИЛа обеспечили посадку.

Всего на счету капитана Ивлиева 20 подбитых танков, 11 самолетов, уничтоженных на аэродромах, и 1 сбитый в воздушном бою, 15 ликвидированных батарей зенитной артиллерии, 10 складов с горючим и боеприпасами, 5 железнодорожных эшелонов, до 100 автомашин и 500 солдат и офицеров противника...

За боевые заслуги Юрий Ивлиев получил два ордена Красного Знамени, орден Красной Звезды, а за подвиги в белорусском небе осенью 1944 года молодой командир эскадрильи получил орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза.

Мужество и отвага коммуниста Ю. Ивлиева сочетались с высоким летным мастерством.

Погиб Юра смертью героя — он повторил подвиг капитана Н. Гастелло. Этот подвиг так описывает журналист Ю. Лурье: «Не довелось молодому командиру эскадрильи увидеть залпы салюта Победы. В январе 1945 года во время нанесения бомбового удара по живой силе и танковым соединениям противника самолет Ю. Ивлиева оказался подбитым в районе Кенигсберга (ныне Калининград). Видя, что дотянуть до своих не удастся, летчик направил горящий самолет в место скопления гитлеровских солдат».

Похоронены останки отважного Героя в городе Гродно, в городском парке, в братской могиле Героев Великой Отечественной войны.

Жители города свято чтут память о нем, Гродненская школа № 1 носит его имя.

СТАРАЯ ЧИНАРА

«Если ты посадил дерево, вырастил ребенка, выкопал колодец, память о тебе не исчезнет», — говорят в народе. Когда мы в одном из переулков в районе Текстильного комбината искали дом Лебедевых, одна старушка сказала:

— Идите все прямо, потом сверните налево, как увидите старую чинару, заходите в калитку. Эту чинару посадил Рома. Других таких в переулке нет.

Ромуальд Лебедев учился в 89 школе и окончил ее в трагический 1941...

— Стены этого дома сложены руками Ромы, — рассказывает Галина Федоровна. — Мои родители взяли участок. Здесь раньше был пустырь. Рома с отцом наделали саманных кирпичей и вдвоем построили дом, разбили сад... Ромуальд умел делать все — он не гнушался никакой работой.

Уже в июне 1941 года Рома становится курсантом Ташкентского общевойскового военного училища имени В. И. Ленина. Изучает военное дело «с радостью и удовольствием.» «Вероятно, разгромив врага, стану профессиональным военным». (8. 1941.)

Но после выпуска из училища, несмотря на то, что Рома рвался на фронт, его посылают в Самарканд. Здесь молодой лейтенант обучает новобранцев, а сам изучает ми-

Ромуальд
Лебедев

нометное дело. «Вот у меня уже две военных специальности — я стрелок и минометчик,— пишет он матери, Ванде Антоновне, — готовлю для фронта снайперов и минометчиков. Завидую им!» (8. 1942 г.)

Только в 1943 году удовлетворили просьбу Ромуальда об отправке на фронт. Он воюет на Украине. Участвует во взятии Киева. Затем его часть попадает на территорию Польши. «Мамочка, воюю на твоей родной земле. Жив, здоров, продолжаю уничтожать фрицев...» (1. 12. 1944 г.)

И вот часть, где служил Ромуальд, вступила на территорию Германии. «Нам, минометчикам, много дел,— сообщает Ромуальд матери.— Часть все ближе и ближе движется к Берлину. Враг яростно сопротивляется...»

Война близилась к концу. И вот однажды, в разгар боя, в часть прибыл из штаба красноармеец с пакетом и сказал, что Лебедева срочно требуют в штаб полка. Ромуальду передали, чтобы он вышел из боя, но он не подчинился. В этом бою он геройски погиб. А когда вскрыли пакет, там был вызов Р. Лебедеву на учебу в Институт военных переводчиков...

В папке с письмами и фотографиями Ромы — истертый по краям листочек. Видно, часто его читали и перечитывали. «Уважаемая Ванда Антоновна!

Мы вошли в логово зверя и в самом недалеком будущем прикончим эту гадину. Воюем мы на немецкой земле и крепко даем чувствовать врагам — зачем мы сюда пришли! Надо признаться, что мы без жертв все же не обходимся...

9 февраля в 2 часа дня во время одного из налетов гитлеровцев погиб Ваш Рома. Но прежде чем он был убит, он уложил в бою со своими бойцами порядочную кучу фашистской швали... Надо сказать, что его подчиненные крепко уважали Рому, любили его. Увидев, что командир убит, они ки-

нулись на противника, как разъяренные львы, и смяли врага буквально в считанные минуты.

Я знаю, что для Вас это тяжелый удар. Но Рома спас сотни жизней. Мне сейчас приходится видеть очень много людей, освобожденных нами, которые со слезами на глазах кидались к нам и целовали нас. Я надеюсь, что вы перенесете это горе с должной стойкостью. Мне самому было тяжело потерять Рому и сообщить Вам такую весть, но не сказать вам все я не могу, так как не знаю — буду ли я жив...

Рома похоронен на поле боя в Верхней Силезии. Мы его схоронили с должными почестями, поставили памятник.

Крепко жму вашу руку.

Уважающий Вас лейтенант Громов.»

Ромуальд Лебедев, старший лейтенант, командир роты минометчиков, был награжден посмертно орденом Красной Звезды.

...А чинара, посаженная Ромой, каждую весну выбрасывает зеленые листочки, похожие на стиснутые в кулачки детские ладошки.

«ТАК ПОЖЕЛАЙТЕ НАМ ПОБЕДЫ!»

Борис Жучков родился в 1920 году. Его отец — Михаил Дмитриевич — участник Гражданской войны, врач. Мать — Клавдия Николаевна, старый член партии, заслуженная учительница УзССР. В 1938 году Борис с отличием окончил школу № 7 имени КИМ. В том же году поступил на авиационный факультет Московского авиационного института (МАИ). Здесь он тоже отлично учился, был комсоргом группы, членом профкома. Без отрыва от учебы обучался в кружке Осоавиахима вождению автомобиля и самолета.

Высокий стройный сильный юноша был прекрасным спортсменом-баскетболистом, он отлично рисовал, писал стихи, занимался конструкцией новых моделей самолетов.

Летом 1941 года Борис перешел на 4 курс. Грянула война. И Борис вместе со своими однокурсниками строит оборонительные сооружения вокруг Москвы. На него, как на старшекурсника, распространялась «бронь». Но Борис пишет письмо за письмом в Государственный Комитет обороны, доказывая, что на фронте он принесет больше пользы. Его просьба была удовлетворена, и Борис получает направление

Борис
Жучков

на учебу в Ташкентское высшее танковое командное училище. Он проходит ускоренный курс обучения и уже в начале 1943 года получает звание лейтенанта и права водителя танка.

Борис с боями прошел через всю Украину, Молдавию, Румынию и Венгрию. Награжден орденом Отечественной войны II степени, а также медалью «За отвагу».

О том, как Борис воевал, никто не расскажет лучше него самого. Об этом он писал своим родителям и любимой девушке Вiolette, которую он нежно называл Веточкой.

«Здравствуйте, мои дорогие! Пишу в ожидании атаки. После прорыва пехотой переднего края обороны немцев в бой двинемся мы, танкисты. Наша бригада награждена орденом Красного Знамени за освобождение Запорожья. Первым ворвался в Запорожье наш танковый взвод. Жителей — единицы. Остались в живых лишь спрятавшиеся в подвалах. Остальных фашист расстрелял или вывез на Запад. Мы установили радио. Со слезами радости жители слушали Москву. Все: приказ! И мы идем в бой! Ваш Борис.» (20. 10. 1943 г.)

«Ветка! Веточка моя зеленая! Это случилось два дня назад, 1 ноября 1943 года. Ветка! Смерть висела над моей головой, прошлепеств своими черными крыльями. Но я ушел от нее!. Было теплое осеннее утро. Мы встали на исходные и по сигналу вышли в атаку. Моя машина — левофланговая. Впереди — полотно железной дороги. Все машины резко свернули вправо. А я перевалился через насыпь и остался один. Подбодренная присутствием грозной машины, пехота поднялась вперед. Выскочил на небольшую возвышенность. Передо мной — деревушка, а на окраине ее фашистская пехота. Командую механику: «Давай третью! Больше газу!» Стрелку: «Огонь по фрицам!» Сколько мы их побили, сколько подавили гусеницами — не знаю. Много!

Минометная батарея открыла по моему танку ураганный огонь. Осколки, как горох, сыпались на броню. Вдруг откудато из укрытия выскочила противотанковая пушка. Дуло ее поворачивается к моей машине. Командую механику: «Слева пушка! Дави!» Так с полного хода и вогнали ее стволом в землю.

Вокруг танка разрывы вражеских снарядов, а наших машин не видно. И скучновато мне сделалось. Приказываю механику: «На третьей, наперерез дороги, к роще сухостоя, пошел!» Выскочили, врезались в рощу. И мотор заглох. Я рассвирепел. Сел за рычаг сам, дал газу. И пошла, моя родная, только четырехметровые бедняги-тополя валились на башню. Вытянула, родимая, не подвела, милая! Выползли на дорогу. Быстро выскакиваю на башню, оцениваю обстановку. Несколько наших машин уже горят. Рвусь вперед, чтобы выйти из-под огня. Чувствую — напоролсь на засаду. Вся артиллерия снова бьет по нам. Вокруг — крошечный ад! Все заволочено черным дымом и землей от разрывов. Дьявольский грохот! Над открытым люком свистят осколки. Веду огонь по вспышкам выстрелов из орудий. Ага, одна пушка замолчала! И вдруг страшный грохот потряс танк, и он остановился. Остановка на поле боя — смерти! Не успел я ахнуть, как машина содрогнулась от удара. И меня охватило пламя. Болванка пробила бак, и загорелось топливо. Как выскочил — не помню. Помню: успел крикнуть: «Горим! Выскакивай!» ..Башенный стрелок уже далеко отбежал от машины. А где радист? Где механик? Неужели не выскочили?! Нет, выползают из-под танка, бегут. Сбросил я горящую шинель, отбежал метров на 20, упал в воронку и на секунду потерял сознание. Хотел подняться — болел от удара затылок — и вижу... Ужасный взрыв потряс мою машину, охваченную пламенем, и разнес ее на куски. Все было кончено. ..Машину разбросало взрывом. Как меня не пришибло каким-нибудь куском брони?.. Удивительно! Башня отлетела метров на 50... Подошел ближе. Под обгоревшей башней, среди почерневших пулеметных дисков и приборов, я увидел — что бы ты думала? Помнишь ту карточку, что ты снималась в Москве, когда я возвращался в часть из госпиталя? Она не помещалась в кармане гимнастерки, и я переложил ее в тетрадь. И вот эта черная тетрадь с моими стихами, слегка обгоревшая по углам, была единственной вещью, оставшейся целой в танке. Я страшно с нее пепел, рас-

крыл — и ты так светло, солнечно улыбнулась мне! Совершенно невредимая, только верхний угол карточки слегка обгорел. Это ли не судьба?! Видно, даже огонь не посмел уничтожить тебя! Любовь моя прошла сквозь огонь, и я донесу ее до тебя неугасшей, еще более красивой и чистой! Лишь бы ты ждала меня! Не смейся над моим возвышенным слогом. Никогда еще не писал от такого чистого сердца, как сейчас. Все мои мысли с тобой, моя девочка! Я верю, что я останусь жив. Ветка! Ведь ты ждешь меня, да? Что бы тебе ни говорили, что бы ни писали — жди! По-прежнему твой Борис.»

Борис сообщает, что представлен к награде — ордену Красной Звезды. Он получил новую машину. И опять дерется на земле Украины против танков Роммеля. В письме от 20 августа 1944 года Борис пишет: «Здравствуйте, дорогие! Сегодня у меня радостный день: пришел приказ о присвоении мне звания старшего лейтенанта танковых войск. Сегодня наша бригада вновь награждена орденом Красного Знамени. И, наконец, сегодня я получил Партийный Билет. Отныне я — член нашей великой Коммунистической партии. И, наконец, сегодня мы идем в решительное наступление, чтобы вывести Румынию из числа воюющих стран. Авиация уже ведет «переговоры о мире». Дело за нами, танкистами. Через несколько часов мы вступим в бой, последний, решительный. Так пожелайте нам Победы! Ждите меня! Борис.»

Но вот письма перестали приходиться в Ташкент, и в Москву. Родные Бориса сделали запрос в часть и получили такой ответ: «...27 января был очень жаркий бой в районе озера Балатон. Мы окружили в Будапеште 188-тысячную группировку врага. Фашисты предприняли контрудары. Ваш сын, Борис, был командиром танковой роты. Во время одной из атак его машину подбило и она загорелась. Весь экипаж выскочил из машины, в том числе и Борис. Но вражеская пуля пробила его сердце. Он погиб смертью героя. Враг был разгромлен. О Борисе у нас сохранится самая светлая память, которая не померкнет никогда.»

Не увядают красные гвоздики у подножья обелиска на площади «Сабадшаг» (Свободы) в Будапеште. Здесь, в братской могиле, покоятся наши танкисты. И на одной из граней обелиска золотом написано имя Бориса Жучкова.

...В этот день ярко светило солнце. И пионерские галстуки алели так же жарко, как гвоздики и гладиолусы, поло-

женные на мраморное подножье высокой блестящей на солнце стрелы, на которой укреплен портрет Бориса Жучкова. Долго стоял у подножья стрелы Михаил Дмитриевич, вглядываясь в лицо сына. Он вспомнил своего Бориску, навечно оставшегося лежать в далекой земле...

Михаил Дмитриевич смотрел на портрет сына. А голосок пионерки, черноглазой девочки с косичками, задорно звенел, взлетая над притихшей толпой:

За тебя, родная наша Родина,
За тебя, отцовская земля!
Сквозь огонь четыре года пройдено!
Сталью перепаханы поля!

Сколько крови на тебя уронено,
Сколько ссадин на твоей груди!
Там, где столько сильных похоронено,—
Слабые не смеют прорасти!

...Борис Жучков. Работники автоколонны № 3 автопредприятия № 5 «Главташкентстроя» решили навечно зачислить отважного танкиста почетным шофером в свою автоколонну. А начисляемому ему зарплату ежемесячно переводить в Фонд мира. В апреле 1977 года на территории автоколонны в торжественной обстановке открыли мемориальный обелиск в честь отважного танкиста.

«УСЫНОВИТЕ МЕНЯ, МАМА!»

Живут в Куйбышевском районе г. Ташкента Мария Макаровна и Георгий Иванович Болухи. В годы Гражданской войны Георгий Болух, чех по национальности, был красногвардейцем. Своего старшего сына он назвал Виктор — «Победитель».

Часто приходят в этот дом письма от красных следопытов села Девица Острогского района Воронежской области, в боях за которое Виктор отдал свою жизнь. Вот что пишут ребята: «Имя Виктора Болуха мы занесли на стенд «Подвигу жить в веках» в нашем школьном музее.»

«Наше село и хутор Калинин были захвачены врагом в июне 1942 года. Это правый берег Дона. А дальше немцев не пропустили. Село Девица лежало на линии фронта 7 месяцев. Немцы за это время хорошо укрепились. Сделали

Виктор
Болух

доты, дзоты, намотали 10 рядов колючей проволоки. Взять село было очень трудно. Но советские воины все преодолели. Хотя многие и погибли... Память о Викторе жива в наших сердцах. С пионерским приветом — Фролова Лена, командир краеведов-следопытов.»

Хранятся в доме Болухов письма его фронтового друга — Володи. Вот некоторые из них: «Дорогая Мария Макаровна! За время нашего наступления — первая передышка. Коротояк, Острогжск, Старый Оскол, Белгород, Гайворон, дорога на Харьков... Вот наш путь на Запад. 30 человек фашистов, в том числе 4 офи-

цера, нашли себе смерть от моей руки. Как хотелось бы мне, чтобы вместо меня вам о смерти Виктора написал кто-нибудь другой... Два месяца боялся написать вам об этом... Лишь одна мысль была в мозгу — уничтожить дикое племя немецких варваров: стрелять, колоть штыком, гнать на Запад, мстить за Виктора... Память о любимом друге требовала от меня этого.

12 января 1943 года мы получили приказ — прорвать оборонительную линию противника. Сильная артиллерийская канонада, русское «ура» — и противник от нас бежал. 14 января — хутор Калинино. Здесь, за хутором, на одной высоте, немец решил закрепиться. Штурмом пришлось ее брать. Помню: вот стоит разбитый снарядом домик лесника. Справа от меня — Витек. О, его автомат работает хорошо! Ага. Бежит вражеский офицер. Очередь. Он упал. Виктор бьет по пулеметчику. Противник отошел. Но через полчаса, перегруппировав свои силы, он снова бросился в контратаку. Поле озарилось винтовочными вспышками, бьют минометы, артиллерия... Жутко. И самое страшное — Витек мертвый. Пуля немецкого снайпера прошла выше лба, вышла в затылок... Помню, что я поднялся в атаку, побежал туда, откуда летела смерть, помню, как поднялись за мной люди, и мы

взяли эту проклятую высоту. Помню, как лично в бою застрелил 10 фашистов, только считать успеваю...

На другой день, похоронив Виктора, мы поклялись над могилой нашего лучшего друга, а моего названного брата, что отомстим за него... Буду жив — еще напишу. А пока крепко целую вас, мама. Усыновите меня, Витя был мне братом. Володя.» (3. 3. 1943 г.)

А вот письма Володи, усыновленного Марией Макаровой вместо погибшего сына, из Германии. Это уже весна 1945 года.

«Дорогая мама! Всякий раз, когда становится тяжело, я невольно обращаюсь к вам. Всегда я вижу вас ласковой и доброй, всегда мысль о том, что вы ждете меня, поддерживает меня. Когда я был рядом с Витьком, он говорил: «Не печалься. Вот кончится война и мы поедем ко мне, в Ташкент.» Мысль о Ташкенте грела нас в самые сильные морозы. Он всплывал в мечтах наших, как нечто заманчивое, фантастическое, послевоенное... Милый мой, дорогой братик! Один ты понимал меня. Главное место в моей жизни, в будущем, которое занимал ты, с твоим уходом рухнуло. Ты пал на поле боя во имя Долга. Я тоже проливал свою кровь во имя Долга перед Родиной, перед народом. Тебя нет, мой дорогой, а я все еще живу, все борюсь. Не раз бросался я в гущу боя с твоим именем на устах. Пишите, пишите мне скорее. Если дождусь — очень буду рад. Крепко целую маму. Володя.» (6. 4. 1945 г. Германия).

И еще одно письмо от Володи, последнее, бережно хранит Мария Макаровна. Написано оно на плотном листе «трофейной» бумаги красными, как кровь, чернилами: «Дорогая, милая мамуся!

Радость окрыляет, несет вперед неудержимым потоком, зовет к труду, к жизни. Близок конец войны. Вчера гнездо мрака, нора разбоя, главный город Восточной Пруссии — Кёнигсберг — под тяжестью ударов воинов Красной Армии пал! Карающим громом грянули сотни орудий, взвились над городом тысячи самолетов. Пошли на штурм танки. Досталось и нам, матушке-пехоте! Штурм! Удар нанесен всей нашей силой, всей могучей мощью нашей великолепной техники, выкованной трудом тыла, всей яростью ненависти, кипящей в

сердцах бойцов. Я шептал одно: «За Витьку! За Виктора!» И остался жив.

Город в огне. За несколько десятков километров виден в небе черный сгусток дыма. На окраинах враг еще сопротивляется, там грохот артиллерийских залпов, дробная стрелковая пулеметной стрельбы, глухие хлопки взрывов авиабомб. Но железное смертельное кольцо сжалось вокруг последних остатков гарнизона. Тройная линия траншей нами уже преодолена, не удержали нас и бетонированные укрепления, входящие в толщу земли. Поле, где мы сейчас стоим, временно отдыхая перед новым броском, перепахано снарядами. Воронка на воронке. Здесь не осталось ни клочка живой земли. Славно поработала солдатская силушка. А вот и результат — бредет из сдавшегося города нескончаемая колонна пленных. Это уже не те отборные немецкие части, которых мы громили под Воронежем. У этих руки на перевязи, обмотаны головы, опираются на самодельные костыли, волоча окровавленные ноги. Здорово досталось им в Кёнигсберге! Каких только «сортов» их нет: летчики, саперы, артиллеристы, танкисты и, наконец, фольксштурм! Стуча палкой, волочится престарелый немец в очках, рядом с ним совсем мальчишка с пушком на небритой губе. Это последняя «надежда Гитлера», последняя ставка. Бита и она! А что недобито — добьем! Алое знамя Победы через час-другой будет гордо реять над бывшим бандитским гнездом, как символ свободы и мира. Сколько ни дуться лягушке — ей не перекинуть воз! Восторжествует яркое солнце весны, взошедшее над новой, уже не агрессивной Германией. Смерть фашизму!

Мама, какая вы добрая, чуткая. Каждый вечер мы с товарищами собирались в землянке, и я читал им ваши ко мне письма. Люди, много пережившие, каждый день видевшие в глаза смерть, преображались, на их лицах застывала улыбка, лаской искрились глаза. Многие, понурив головы, молча вздыхали: немцы лишили их семей, убили их матерей. А мне тяжело и радостно. Тяжело перед вашим горем — потерей Виктора, радостно от Вашей ласки и заботы. Я не один...

И Вы, добрая мать моя, помогли преодолеть мое одиночество. Пусть я погибну, но убить этого чувства к матери они не смогут. Не забывайте о моей искренней любви и преданности Вам. Я живу ими. Крепко целую маму. Володя.»

— Больше писем от Володеньки не было, — вздыхает Мария Макаровна. И скупая слеза сползла по ее щеке.

«МЕЧТАЮ ДОЖИТЬ»

Игорь Токарев... У него было большое будущее художника. До сих пор стены комнаты, где живет его мать, Елена Гавриловна, украшают пейзажи, написанные сыном.

Елена Гавриловна — родная сестра большого художника-передвижника — Семена Никифорова. Любовь к живописи у Игоря — «по наследству». Но еще его интересовало радиодело, сборка планеров, физика, математика.

Родился Игорь в Ташкенте, в 1925 году. Его отец — член партии с 1919 года — Константин Андреевич Токарев был партийным работником. Мать служащая. Игорь и сестра Мила учились в школе № 44 имени Коминтерна.

Окончил Игорь школу с отличием и поступил на подготовительный факультет Института связи. Но учиться здесь ему не пришлось — 1 января 1943 года он был направлен в полковую школу, а после окончания ее с отличием — в Ульяновское пехотное училище. В декабре он уже в Карпатах: «Ехал на подводе, шел пешком, верхом тоже приходилось. По ту сторону гор — Чехословакия. Она с радостью встречает русских воинов-освободителей...»

Начало марта 1945 года... Расстаяли снега. Бурно разлились реки. Половодье сорвало мосты, залило долины. Но наступление наших войск продолжалось. Игорь пишет родным: «Горячие денечки у нас. 6 суток мы были в непрерывном бою. Теперь я понимаю, что такое фронт. В бою не думаешь об опасности. Приходится совершать быстрые марши, подолгу лежать в мокром снегу под обстрелом противника, а ночью промерзать так, что все гремит на тебе. Но самое главное — бодрость духа и сила воли — тогда все будет легко...»

Последнее письмо Игоря датировано 14 марта: «Мама! В бою о себе не думаешь. Ответственность за людей и за успех боя затмевают все личное и отодвигают на задний план. Бывает неприятно, когда совсем рядом свистит и разрывается мина. Но и тут быстро ко всему привыкаешь. ...В бою видишь каждого своего солдата; силу его души, его мысли...»

А вскоре пришло письмо, написанное незнакомым почерком. «Ваш сын, лейтенант Игорь Константинович Токарев, был дисциплинированным офицером, он всеял смелый дух и бодрость в своих подчиненных. Страна гордится, Елена Гавриловна, матерями, которые сумели воспитать сыновей

Игорь
Тенарев

в духе патриотизма, такими, какими был Игорь... 9 апреля 1945 года, наступая на одну высоту, ваш сын погиб смертью храбрых.»

— Я была в Чехословакии, на могиле сына,— рассказывает Елена Гавриловна,— ездила я туда по приглашению чешских товарищей. Игорь погребен на Центральном воинском кладбище в городе Жилина. В этом городе находится Всесловацкий музей дружбы с Советским Союзом. Руководит музеем Мария Якубовичева—большой друг нашей страны, в прошлом узница фашистских концлагерей. И со стенда музея на меня взглянули ясные

глаза моего незабвенного мальчика. Узнав, что ему было всего 19 лет, многие чешки, обняв меня, плакали. А в ушах у меня звучали слова из письма Игоря: «Я люблю наш дом, люблю уют и мечтаю дожить до мирной жизни. Но нам предстоит еще много пережить и сделать тяжелой работы. Вспомни рассказ Короленко «Огни». Человек ехал по реке на лодке, вдали показались огни, столь желанные и казавшиеся совсем близкими. Но на самом деле они были далеко-далеко... Жизнь тоже похожа на эту реку, и поэтому надо всеми силами «налечь на весла». Но все-таки впереди огни! Ваш Игорь».

«ЧЕСТЬ ОЧЕНЬ ДОРОГА»

2 мая Берлин выбросил белые флаги. Сбылось! Столица фашистской Германии капитулировала!

Солдаты обнимались, целовались, плакали, стреляли в воздух, танцевали прямо на площадях... На площади у Бранденбургских ворот остановился танк. Открылся люк. Водитель танка—Юрий Водовозов, счастливый, измазанный, только что вышедший из боя, вылез из танка и пустился в

пляс. Он исполнял свой «коронный» номер, с которым не раз выходил в школьные годы на сцену—«Барыню». Фронтовой оператор Роман Кармен, любящий рослым, красивым танкистом, щедро отдал ему несколько десятков метров пленки. И этот танец танкиста вошел в фильм «Падение Берлина».

Родился Юра в Одессе. Отец его рано умер, и его на воспитание взяла тетя, жившая в Ташкенте.

После окончания ташкентской школы № 94 в 1939 году Юра поступил на юридический факультет Среднеазиатского Государственного университета имени Ленина. Но вскоре его призвали в армию, и весной 1941 года в городе Чугуеве, на Украине, он получил специальность механика-водителя танка.

Уже в первый месяц войны Юрий «попал в самую гущу». Он горел в танке, выбирался со своей частью из окружения, участвовал в боях. Наконец, в октябре 1941 года пришло его письмо из Воронежа: «Здравствуйте, дорогие! Не знаю—сколько я пробуду в Воронеже, ведь я попал сюда случайно—вышел из окружения под Чечерском, в Белоруссии наткнулся на свои части, после чего меня послали на формировочный пункт, в Воронеж. Пробыл на фронте два месяца. Исколесил на своем танке всю Белоруссию. Горел. Долго странствовал по селам. Скорее бы отправили обратно на фронт! На днях сюда прибыли с фронта мои товарищи. Увидев меня, они бросились целовать. Меня в части уже считали убитым... Прекрасна та смерть, в которой заключается глубокий смысл. Но, если я остался жив в самый трудный период войны, то сейчас уже ничего не страшно... Что я видел—все не передашь!»

Скоро Юрий получил новый танк—и опять в бой.

«Я достаточно душевно крепок и воодушевлен. Большое счастье мне выпало: с первых дней войны мы, танкисты, при-

Юрий
Водовозов

няли на себя всю бронированую силу бандитов. Но выдержали удар. Нам пришлось отступать, покидая родную землю. Но мы были и тогда уверены, что придет время и мы вернемся назад. Время это пришло. Теперь мы пойдем туда, откуда пришла эта черная, смрадная сила. Эта гадина уже почувствовала нашу силу и нас, танкистов, называет «льваами». Придет радостный день, когда мы встретимся и отпразднуем нашу Победу!»

Юра тогда еще не знал, что его братишка, только перед войной окончивший десятилетку, погиб в боях на подступах к Одессе, защищая родной город. А мать его и сестру-шестиклассницу расстреляли фашисты. В каждом письме к родным в Ташкент Юра спрашивает: «Где мама? Успела ли она с ребятами эвакуироваться?». Пишет он довольно редко и просит извинения за задержку с ответами на письма: «Вы, наверное, думаете, что я убит. О нет! Но если нам все же придется отдать жизнь за счастье Родины, за счастье будущих поколений, то мы тоже не умрем в сердцах людей. Они всегда будут чтить память их освободителей». (2. 10. 1942 г.)

Более двух тысяч наших танков участвовало в сражении под Сталинградом. Юрий пишет родным: «Бои, бои... Да, тяжелые времена. Но снова наступят радостные, счастливые дни. И тогда, когда я вернусь, пожалуйста, можете меня в день встречи баловать. Ведь это будет великий праздник! ...Работа наша очень сложная и ответственная. Ибо танки в основном решают ход боя. Маленькая поправка, не танки, а танкисты — характеры людей». (12. 1942 г.)

Разгромив фашистов под Сталинградом, чужь, где воевал Юрий, двинулась по Украине. Юрий с болью в сердце смотрит на те разрушения, что нанес подлый враг родной земле. В одном из боев в районе Дона он был тяжело ранен. Его отправили в тыловой госпиталь, предложили ампутацию руки. Юрий наотрез отказался: «Рука мне нужна! Я еще воевать буду!» Он вынес несколько сложных операций. И в конце 1943 года опять вернулся в родную часть.

Наконец сбылась его давнишняя мечта — он стал разведчиком, он по-прежнему танкист, но его танк действовал в составе разведгруппы. За храбрость и отвагу Юрий Водовозов был награжден орденом Славы III степени.

В ноябре 1943 года Юрий пишет родным в Ташкент: «Часть наградили орденом Красного Знамени. Бои происхо-

дили жаркие. Ведь «саранча» сама с поля не улетит. Я не любитель безрассудного риска, но разумная отвага — мой лучший друг! Мы несем большую ответственность, ведь мы — разведчики!»

1944 год проходит в непрерывных боях — Юрий Водовозов сражается в числе разведчиков-танкистов прославленного подразделения, возглавляемого Героем Советского Союза Николаем Леуцким. Сохранилась у родных вырезка из газеты «Красная Звезда», где рассказывается, как разведчики Леуцкого уничтожили около 80 фашистов. В этой статье говорится: «С ходу строчили по немцам пулеметы гвардии старшины Юрия Водовозова, опрокидывая гитлеровцев в реку...»

И совсем не удивительно, что в одном из писем Юрия встретились такие строки: «Храбрым быть хочу... В бою жизнью не дорожишь, а честь очень дорога... Я с нашей медсестрой Людой Корвицкой часто вспоминаю Ташкент, школьных друзей. Вот она смотрит на меня и говорит: «Знаешь, Юрий, ты совсем не тот ташкентский Юрка, какого я знала...»

Мы уже писали, что Люде слал письма и посвящал стихи Коля Горошков. После его гибели она добровольцем ушла в армию. И она служила в одной части с Юрием.

И вот Победа! Родные ждали Юрия домой.

Однажды в конце мая, рано утром, когда вся семья собралась на террасе завтракать, открылась калитка и во двор, прихрамывая, вошел высокий молодой офицер. Он подошел к террасе и молча снял фуражку. Все поднялись. И танкист рассказал, как погиб Юра.

— На площади к Юрию подошел командир и сообщил, что рядом разместился полевой госпиталь, а йода и бинтов не хватает. Юра вызвался на своем танке «проскочить» к немецким складам с медикаментами. Он подъехал на танке к складу. Вылез. Никого. Придерживая рукой автомат, он вошел в склад. И сразу же был скошен очередью из автомата притаившегося за тюками и ящиками недобитого эсэсовца...

Похоронен Юрий Водовозов, гвардии лейтенант танковых войск, в Берлине в Трептов-парке. Сюда, к памятнику солдата, который держит на руках спасенную девочку, несомчаемым потоком идут и идут с цветами люди всей земли...

«НАШИ МЕЧТЫ ПРЕТВОРЯЮТСЯ В ЖИЗНЬ»

Седые матери... Все меньше и меньше остается их с каждым годом. Увидите мать погибшего солдата — низко поклонитесь ей... Всю свою жизнь она ждала не пришедшего с войны сына...

— Ты прости меня, мама, что я не вернулся с войны,
Я пишу тебе, мама, глазами на облаке
последнее в жизни письмо

Над моей головою расцвел красный мак.
Как хотелось бы мне подарить тебе этот цветок,
Но ведь сил нет таких — до него дотянуться!

Негромко звучит голос чешской поэтессы Елены Чепчековой, ей вторит голос переводчицы. Сегодня привезли землю с могилы нашего ташкентского мальчишки Игоря Токарева, чтобы передать ее матери Игоря. В руках Елены Гавриловны алые тюльпаны... Поэтесса читает стихи, посвященные ее сыну и всем сыновьям, не пришедшим с войны:

Я смотрю на тебя голубыми глазами цветов,
И тянусь я к тебе, как руками, цветущими ветками яблонь.

Как ты думаешь, мама, дела, что мечтал я свершить,

Совершили другие?
И поймут ли они, что в делах всех живущих

Это наши мечты претворяются в жизнь...

Седая мать... Всю свою жизнь она ждала не пришедшего с войны сына

Ян Ленчо, известный писатель, бережно, как собственную мать, обнял Елену Гавриловну, поцеловал ее и передал коробочку с землей.

Память о погибших воинах чтят всюду.

Герой Советского Союза Владимир Васильевич Карпов в письме к пионерам своей родной школы № 61 г. Ташкента писал: «Я иду по Ташкенту. Смотрю на задорных юношей и девушек. Ищу среди них знакомые лица. И вижу: этот паренек в спортивной куртке похож на Витю Вражнова, а тот, высокий, копия Шурик Авдонин. Погибли, защищая Родину, Виктор и Шурик. Пусть будет мир на земле! Но помните, ребята, мир держится могуществом нашего государства! Только чувствуя нашу силу, империализм не отваживается начать войну. А силу и могущество создает в повседневной жизни весь наш великий народ...»

Невозможно рассказать подробнее о каждом из погибших юношей: прошло слишком много лет, мало осталось документов и свидетельств их бессмертных подвигов. Но мы никогда не забудем имен наших ташкентских мальчишек и низко склоняем головы перед их светлой памятью. Вот их имена:

АБДУКАРИМОВ ТОРГАН
АБДУЛОВ МАНСУР
АБУБАКИРОВ НАДИР
АВДОНИН АЛЕКСАНДР
АГЕЕНКО ВАСИЛИЙ
АНТОНОВ ЮРИЙ
АРЗУМАНОВ АЛЕКСАНДР
АРИПОВ ТУЙЧИ
АСТАФЬЕВ АЛЕКСЕЙ
АЙЗЕКОВИЧ АЛЕКСАНДР
БАЛАЕВ ГРИГОРИЙ
БАНЫХ АНАТОЛИЙ
БАРСКИЙ ВИКТОР
БЕКИН ЮРИЙ
БЕНДЕРСКИЙ ЯКОВ
БЛИНКЕВИЧ АНАТОЛИЙ

БЛЮМФЕЛЬД ЮРИИ
БОБЫЛЕВ ВИКТОР
БОБЫЛЕВ НИКОЛАИ
БОГДАНОВСКИИ
АЛЕКСАНДР
БОЛДЫРЕВ ВАСИЛИИ
БОЛДЫРЕВ ИВАН
БОРИСЕНКО ЕВГЕНИИ
БРОДСКИИ ЛЕВ
БУРНАЕВ ФАИМ
БУРКИН НИКОЛАИ
БУСЛАВЛЕВ БОРИС
БУХАРИЕВ ИГАМБЕРДЫ
ВАСИЛЕНКО НИКОЛАИ
ВЕНЬНЬ АУСЕКЛИС
ВЕРЕЩАГИН НИКОЛАИ
ВЕЙНЕР РУДОЛЬФ
ВОЛКОВ АЛЕКСАНДР
ВОЛКОВ ВИКТОР
ВРАЖНОВ ВИКТОР
ВИЛЕНСКИИ ИОСИФ
ГАЛЬПЕРИН ЯКОВ
ГАНГАДЗЕ АРКАДИИ
ГАНИЕВ ФАТХУЛЛА
ГАСКЕЛЬ ИОСИФ
ГЛУШКОВ ЮРИИ
ГОЛОЛОВОВ ЕВГЕНИИ
ГОРДОДЕЛОВ ВЛАДИМИР
ГОСТЕВ ПАВЕЛ
ГОЛЬДЕНБЕРГ ГРИГОРИИ
ГРИБКОВ МИХАИЛ
ГРУДЦИН ЮРИИ
ДАВЫДОВ ВЛАДИМИР
ДУБРОВСКИИ ИВАН
ЖДАНОВ МИХАИЛ

ЗАЛЕВСКИИ НИКОЛАИ
ЗАОНЕГИН МИХАИЛ
ЗАРЖЕЦКИИ ИСАИ
ЗЕЛЕПУХИН СЕРГЕИ
ЗЕЙГЕРМАХЕР ЛЕВ
ИБРАГИМОВ ДЖАВИД
ИВАНОВСКИИ НИКОЛАИ
ИВАННИКОВ ИВАН
ИВАННИКОВ НИКОЛАИ
ИГНАТЬЕВ ВЛАДИМИР
ИЛИВИЦКИИ ГРИГОРИИ
ИСЛАМОВ МАЛИК
ИРТУГАНОВ ФЕДОР
КАГАЛОВСКИИ ГРИГОРИИ
КАГРАМАНОВ ГЕОРГИИ
КАГРАМАНОВ ГРИГОРИИ
КАЛАБИН СЕРГЕИ
КАЛАНЧИК КОНСТАНТИН
КАРАКОЗОВ АНДРЕИ
КАСАТКИН АЛЕКСАНДР
КАИПОВ УИГУР
КОГАН БОРИС
КОЖУЛЬ ЛЕВ
КОРДУБ ГЕННАДИИ
КОРСУНСКИИ МИХАИЛ
КОНЯЕВ ВАСИЛИИ
КЛИМКОВ ВЯЧЕСЛАВ
КОРАБЛИН АЛЕКСАНДР
КОРАБЛИН МИХАИЛ
КРАСНОПОЛЬСКИИ МИРОН
КУДАШЕВ ВАЛЕНТИН
КУПРИЯНОВ ВЛАДИМИР
ЛОЗИЦКИИ БОРИС
ЛОСЬЕВ ГРИГОРИИ
ЛЮДВИГ ВИТАЛИИ

МАЗИТОВ ШАВКАТ
МАКАРЕВИЧ ГЕННАДИЙ
МАЛЕЕВ БОРИС
МАЛЫШЕВ АЛЕКСАНДР
МАЛЫШЕНКО ВЯЧЕСЛАВ
МАЛЯСОВ ВИКТОР
МАХМУДОВ БАХРАМ
МАХМУДОВ САЙДУЛЛА
МАКСИМОВ АЛЕКСЕЙ
МАРКЕДОНОВ ПАВЕЛ
МЕЛЬНИКОВ ВЛАДИМИР
МЕТЕЛЬСКИЙ ОРЕСТ
МЕШКОВ ЕВГЕНИЙ
МИРХАМОВ МАГРУФ
МИХАЛКОВ ЮРИЙ
МИХАЙЛОВ ИВАН
МОРЕВ ЮРИЙ
МЫШКО ЕВГЕНИЙ
НЕСТЕРЕНКО АЛЕКСАНДР
НЕКЛЮДОВ БОРИС
НОСОВ ИЛЬЯ
ОСИПОВ ЭММАНУИЛ
ПАВЛОВСКИЙ ОЛЕГ
ПЕНЬКОВ КОНСТАНТИН
ПЕТРОВ БОРИС
ПОДСОЛИХИН КОНСТАНТИН
ПОПОВ ВИКТОР
ПОПОВ НИКОЛАЙ
ПОСТЮШКОВ ИВАН
РАДОСТЕВ АНАТОЛИЙ
РАКИТЯНСКИЙ АЛЕКСАНДР
РАХИМДЖАНОВ АЛИМДЖАН
РОГОВ АЛЕКСАНДР
РОТ НИКОЛАЙ
РУСАНОВ ВЛАДИМИР

САЛЬНИКОВ НИКОЛАЙ
САЛЬНИКОВ КОНСТАНТИН
САДУЛЛАЕВ МУХТАР
СВИНОЛУПОВ АЛЕКСЕЙ
СЕДОВ ВЛАДИМИР
СЕРОВ ГЕННАДИЙ
СЕЛЕЗНЕВ НИКОЛАЙ
СИНАЮК АБРАМ
СИНАЮК МИХАИЛ
СМИРНОВ СЕВЕР
СТРЕЛЕЦКИЙ ВЛАДИМИР
СОЛОМАТИН АЛЕКСАНДР
СТОЛПНИК ДМИТРИЙ
СТРИЖОВ ИВАН
СУМАРОКОВ КИРИЛЛ
СУЛТАНОВ САЙДАМИН
ТАГИРОВ БАТУ
ТИМУРОВ ВАХИД
ТИМУРОВ КАМИЛЬ
ТИМУРОВ ХАБИБ
ТИТОВ КОНСТАНТИН
ТИХОНОВ АЛЕКСАНДР
ТИХОНОВ БОРИС
ТУЛУНГУЗИН УРАЛ
ХАФИЗОВ ШАРАФУТДИН
ХАЙКИН РАФАИЛ
ХОХЛОВ ВЯЧЕСЛАВ
ЦИММЕРМАН ГЕНРИХ
ШАГАБУТДИНОВ АДЫЛЬ
ШАЙДУЛЛИН БАТУ
ШЕВКО ЮРИЙ
ШВАНСКИЙ ВАЛЕРИЙ
ШЛЯПИН НИКОЛАЙ
ШУБИН ВЛАДИМИР
ЮНУСОВ ЗАИР

ЮСУПОВ ИСКАНДЕР
ЯКУШЕВ ВИКТОР
ЯКУШЕВ ГЕОРГИЙ
ЯКУШЕВ ФОТИЙ
ЯЛОВ ЛЕВ

и тысячи других...

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	3
«Главное — умереть не зря»	5
«Бесконечно, жадно хочется мне жить!»	8
«Трижды почетное право — страну свою защищать»	11
Родину защищают всюду!	16
«А фрицам здесь жарко»	19
«Что может быть нелепее войны!»	20
«До последнего дыхания!»	21
«Жизнь — борьба»	23
«Прижмем фашистам хвост»	25
В боях за Орловщину	26
Зачислены навеки в списки полка	29
Три богатыря	31
«Нам еще воевать и воевать»	34
«Не будешь ты отбросом страны своей...»	35
Дружина имени Гурина	38
Он повторил подвиг Гастелло	39
Старая чинара	41
«Так пожелайте нам победы!»	43
«Усыновите меня, мама!»	47
«Мечтаю дожить»	51
«Честь очень дорога»	52
«Наши мечты претворяются в жизнь»	56

Лия Тимофеевна Бережных
Вера Витальевна Лапина

ТАШКЕНТСКИЕ МАЛЬЧИШКИ

Редактор Л. Н. Пылаева
Художник В. Валнев
Техн. редактор Л. Вуркина
Худож. редактор К. Алиев
Корректор З. Наджатова
НВ-308

Сдано в набор 20/II-1978 г. Под-
писано в печать 14/VI-1978 г.
Формат 60×84/16. Печ. л. 4,0.
Усл. печ. л. 3,72. Уч.-изд. л. 3,15.
Тираж 45.000. Договор 141-77. Бу-
мага № 1. Цена 10 и, Зак. № 2798.
P-01292.

Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана,
«Еш гвардия», Ташкент — 700129,
ул. Навои, 30.

Ордена Трудового Красного Зна-
мени типография Издательства ЦК
КП Узбекистана, Ташкент, ул. «Прав-
ды Востока», 26.